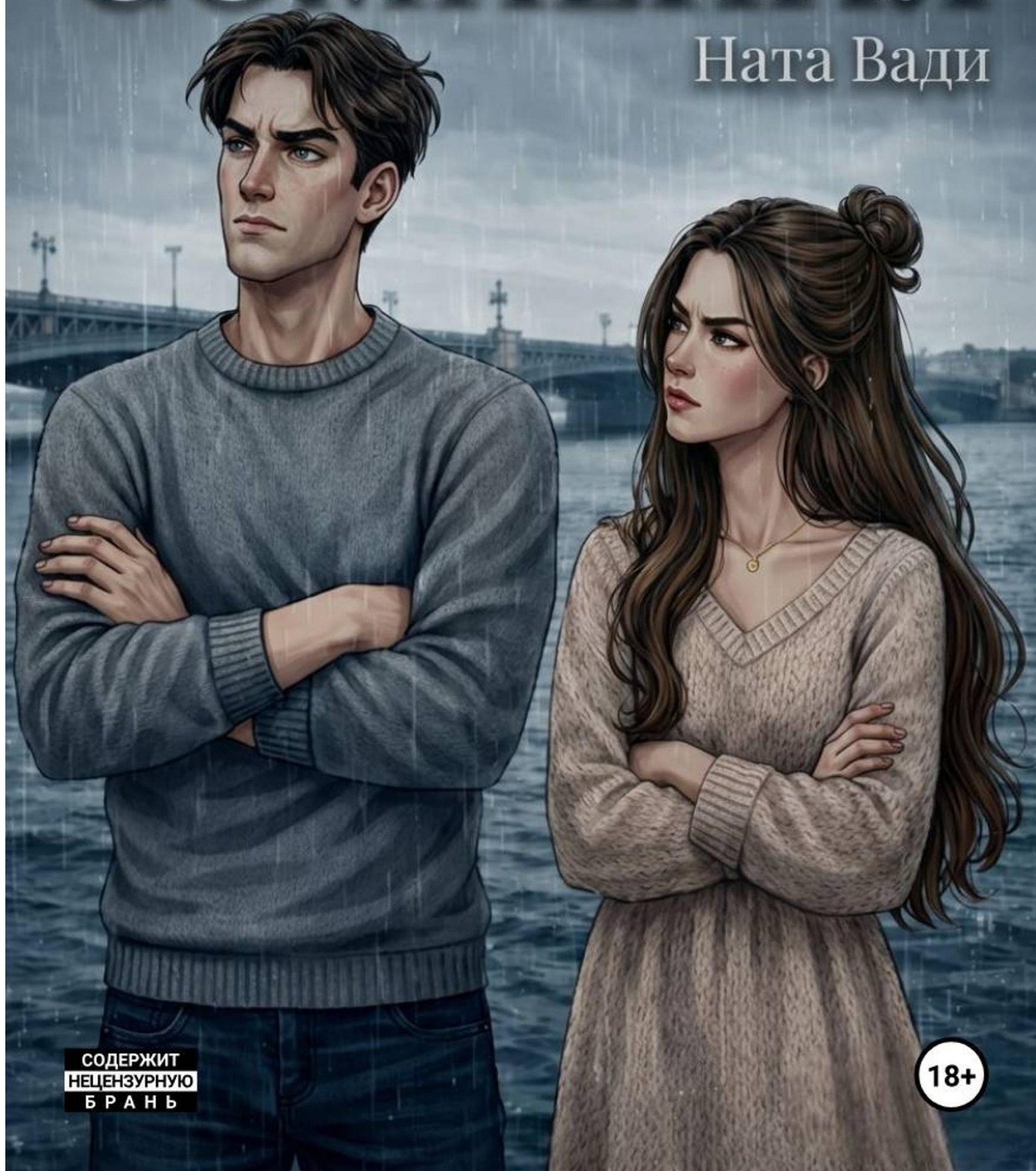

Тень СОМНЕНИЯ

Ната Вади

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ната Вади
Тень сомнения

«Автор»

2026

Вади Н.

Тень сомнения / Н. Вади — «Автор», 2026

Продолжение романа «Глоток доверия». Прошло полтора года. Катя, кажется, справилась с прошлыми проблемами и строит новые отношения. Макар, израненный потерями, пытается строить жизнь в новых реалиях. Они договорились больше не пересекаться. Но судьба снова готовит встречу — в самых неожиданных, но до боли знакомых обстоятельствах. Старые раны вскроются, тайны всплывут наружу, а прошлое предъявит новый счет. Смогут ли они пройти это испытание, не разрушив друг друга окончательно?

© Вади Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тень сомнения

Глава 1

POV Катя

**Первая часть истории называется «Глоток доверия».*

Добро пожаловать в продолжение...)

А можно уже как-то выключить этот дождь, блин? Я, конечно, всё понимаю. Питер. Атмосфера. Хлюпающая под ногами романтика. Возможно, город не забывает своё большое поэтическое прошлое и свято верит, что под такой аккомпанемент легче всего сидеть у окна, курить папиросы и писать пером бессмертные строки о вечном.

Ну алё!

Двадцать первый век на дворе, у всех депрессия и ипотека! Можно, пожалуйста, дать тепла и солнца хоть капелюшечку?! Это же конец июня, мать его! Второе моё лето в Питере, и мне уже кажется, что в прошлом году было больше солнечных дней. Я прямо как те бабки у подъезда, которые ноют: *«Раньше и трава была зеленее, и женихи щедрее»*.

Именно такие жизнеутверждающие мысли проносятся у меня в голове, пока я еду в такси с работы домой, прижавшись лбом к холодному стеклу, и делаю вид, что слушаю маму, с которой у нас стандартный вечерний созвон. Ну как созвон Он предполагает диалог. А я же, скорее, терплю монолог, потому что перебивать её — себе дороже.

— И вот я ей говорила же: *«Лариса, надо Варюшке квартиру покупать, пока она ещё в школе! Потом в универ поступит — и что? По общежитиям шастать будет? Там же всякий сброд!»*

Изображаю живой интерес, выдавливая из себя:

— Мам, ну там же в основном ребята из области или других городов

— Ну и помимо них — всякий сброд, — стоит на своем мама, не сбавляя оборотов.

Её не переспорить. Это физически невозможно.

— Ой, Варя же травму получила! — вдруг вспоминает она, и в голосе появляются какие-то излишне драматические нотки.

Мысленно закатываю глаза.

— Опять?

— Да-а, кошмар! Эти прыжки в воду Ну вот прям надо девчонке молодой такое!

— Мам, это спорт, — терпеливо объясняю я в сотый раз. — Она с семи лет этим занимается. Карьеру строит. Олимпийскую, между прочим, надежду готовят.

«Она» — это моя двоюродная сестра по маминной линии, Варвара. У нас приличная разница — одиннадцать лет, так что для меня она всегда была таким юным существом, которое больше времени проводит в бассейне, чем на суше. Мама, конечно, её спортивные подвиги не одобряет. Вообще, если честно, в мире мало чего одобряет моя мать. Её список того, что «окей» стремится к нулю. Из последнего, что туда попало

Она резко обрывает поток моих мыслей.

— Кстати, Катя, ты была у врача?

Вот. Началось. Лёгкое, почти невинное вступление к любимой ее теме. Делаю паузу, стараясь, чтобы голос звучал максимально нейтрально.

— Ммм Пока не было времени

Тишина в трубке. Я мысленно начинаю обратный отсчёт. Три два один

— Катя! — в трубке раздаётся голос, напоминающий то ли взбесившуюся птицу, то ли сирену воздушной тревоги. — Ты беспечно относишься к своему здоровью! Тебе гинеколог что сказал? Ходить проверяться каждые полгода! А ты что делаешь?

— Я много работаю, — бормочу я, чувствуя себя примерно пятилетней.

— Да там, наверное, уже сколько прошло с прошлого визита? Месяцев десять?

— Блин, мам, с какого такого летоисчисления десять? Всего семь! — пытаюсь я защищаться, хотя понимаю, что это заведомо проигрышная стратегия.

— Это уже на месяц больше положенного!

— Ну не критично же

— Катерина! Чтобы у меня сегодня же записалась! Иначе я приеду и отведу тебя за ручку, как маленькую! И я не шучу!

Знаю. Чёрт возьми, знаю, что она не шутит. Да, гинеколог действительно говорил про контроль раз в полгода. Из-за ну, из-за того, что произошло почти полтора года назад. Чуть меньше. Стало ли легче? Безусловно. Время — тот ещё пластырь, грубоватый и неказистый, но эффективный. Забылось ли полностью? Нет. Не забылось. Возможно, сыграли роль обстоятельства — тот самый двойной удар под дых. А возможно, я просто слишком близко всё воспринимаю, как говорил мне психолог (да, я ходила на сессии, недолго, но ходила). Он утверждал первое. А я я до сих пор не определилась.

Но мама права. Надо сходить. Здоровьем, особенно женским, шутить — себе дороже.

— Ладно, ладно, запишусь, — сдаюсь я, и в голосе моём слышится усталая покорность. — Обещаю. Хочешь, даже скриншот записи пришлю?

— А вот и хочу! — торжествуя заявляет мама, и я слышу, как она мысленно уже ставит галочку в своём ежедневнике напротив пункта «*Дочь — проконтролировать*».

Я фыркаю в трубку. Хоть это её успокаивает.

— Как Дима? Не звонил? Не появлялся? — следующий вопрос следует без паузы.

— Мам, ты решила меня сегодня доконать что-ли? — стону я, прикрывая глаза и потирая переносицу.

— А что такого? Я просто спрашиваю. Вы же долго были вместе.

— Сколько это «долго»? Пять месяцев? — не сдерживаюсь я.

— Ну и не вшивые два, Катерина! Почти полгода — это уже срок!

А, вот оно что. Это тонкий намёк на скорость развития моих прошлых отношений. Тех, что были до Димы. С Макаром. Которые вспыхнули и сгорели со скоростью падающей звезды, оставив после себя только пепел и выжженную землю. Мама эту историю знает в очень даже полном варианте. Одна из немногих.

— Зря ты ему отворот-поворот дала, Катя, — продолжает мама, и в её голосе слышится искреннее сожаление. — Дима идеальный для тебя был. Ну просто идеальный! Какой муж бы получился! Всё для тебя, на всё готов

— Мам, пожалуйста, — прерываю я её, и в голосе уже проскальзывает сталь.

— Что «пожалуйста», Катя? — не унимается она. — Тебе через год тридцать стукнет!

Вот этот довод. Король всех маминых аргументов. Непобедимый.

Делаю глубокий вдох, глядя на мелькающие за окном фасады. И выдаю то, что, как я знаю, её успокоит. По крайней мере, на время.

— Мам, если я скажу тебе, что с Димой, возможно, встречу через неделю-полторы, когда он вернётся в Питер это тебя устроит?

В трубке на секунду воцаряется тишина, а потом раздаётся довольный, почти победный вздох.

— Ой, слава богу, доченька, слава богу!

Мы ещё пару минут болтаем о чём-то, а потом наконец-то прощаемся. Чувствую себя так, будто только что пробежала марафон по минному полю. Такси как раз подъезжает к моему дому. Вернее, к дому Алинки. Пока что я всё ещё живу здесь. Но осталось уже недолго.

Да, я купила свою квартиру. Сама. Без ипотеки, чёрт побери. Не в таком шикарном районе, не видовую, а обычную двушку в спальнике. Зато свою! Подкопила сама, родители

добавили — хотя, если честно, по суммам вышло, что скорее я добавила им. Мою однокомнатную в Самаре продавать не стали — недвижимостью вещь хорошая, пусть будет. Ключи от новостройки мне уже выдали, сейчас идёт ремонт

Работа у меня прежняя, в «Перспективе». Алинка, моя лучшая подруга и фактически почти сестра, хочет сделать меня равноправным партнёром. Но пока это дело отложено. Из-за определённых обстоятельств. Длинная история... и тяжёлая.

Отлично общаюсь с Серёжей и Леной. Настолько отлично, что даже стала крёстной их второго ребёнка, маленькой Ангелины. Обожаю эту крошку до умопомрачения. Она, кажется, единственное существо на планете, которое может заставить меня по-идиотский улыбаться просто так, без причины.

И да, Дима.

Тот самый Дима Яровой, когда-то из «Криптона», а теперь перешедший более прибыльный проект. Дима, о котором с таким жаром говорила мама. Мы с ним действительно были в отношениях. Да, я таки сдалась ему почти через полгода после всего того. После того, что сделал Макар и потеря ребёнка.

Дима тогда был рядом. Не лез с дурацкими вопросами, не требовал ничего, просто был. Смотрел влюблёнными глазами, носил кофе, болтал обо всём подряд и, кажется, был готов ждать хоть вечность. И я сдалась. Не потому, что влюбилась по уши. Нет. Но и абсолютно равнодушной к нему тоже уж не была. Он мне нравился. Умный, успешный, с хорошим чувством юмора, приятный в общении. Мама тогда сказала мне одну очень правильную, хотя и где-то циничную фразу: *«Катя, всегда лучше, чтобы тебя любили сильнее»*. Дима любил. Действительно, очень. И, кажется, всё ещё любит. А я я уже не хотела никаких драм. Потому что падать с высоты безумных чувств оказалось до тошноты больно. Плавали — знаем. Расшибаться в лепёшку о реальность мне больше не улыбалось. С Димой было безопасно. Спокойно. Предсказуемо. Нам было о чём поговорить, было интересно вместе — у нас много общего. Его обожала моя мама (немаловажный фактор!), и я, вроде бы, нравилась его матери. Да и секс был неплохой.

Почему же мы расстались, если он такой замечательный? А вот почему: он сделал мне предложение. Спустя пять месяцев отношений. С кольцом, опустившись на одно колено, весь этот набор.

А я Я куда? Я что? Мы же обсуждали, что о чём-то более серьёзном речи пока быть не может! Я даже съезжаться была не готова! А он — раз, и брак. Искренне не понимала, на что он надеялся. Причём он потом признался, что хотел сделать предложение ещё на Новый год, но «вытерпел». И, о ужас, он, как долбаный джентльмен, заранее съездил к моему отцу в Самару за благословением! Серьёзно? Мы что, в каком-то дешёвом американском ромкоме, блин?

А я сказала «нет».

Он тогда страшно обиделся. И я его, в общем-то, понимала. Но, чёрт возьми, разве все наши разговоры о том, что «не будем спешить», он пропускал мимо ушей?

— Почему «нет», Катя? — он ходил по квартире, ероша волосы, похожий на раненое животное.

— Дим, я же говорила Я пока не готова.

— Мы оба взрослые люди! — к чему-то сказал он.

— Вот именно! И должны слышать друг друга! Ты, кажется, не услышал

— Хорошо! Пусть это будет просто помолвка! А там посмотрим, через год, может, поженимся!

— Дим

— Я просто не понимаю, почему нет!

— Потому что я не хочу пока замуж!

— «Пока не хочешь замуж» или «не хочешь замуж за меня»? — он остановился и посмотрел на меня прямо. — Уточни уж этот момент, Катя.

— Дим, пожалуйста, перестань давить

— Я хочу детей и семью! И думал, ты тоже в перспективе.

— Вот именно, Дим! В перспективе! Попозже, когда я буду к этому готова!

— Сколько тебе надо? Полгода? Год? Два? Назови срок! — Дима, пожалуйста

И тогда он выдал то, что, видимо, копилось в нём всё это время. Он вышел из себя окончательно.

— А если бы на моём месте сейчас стоял он? Макар? И это были бы вы с ним ты бы тоже отказалась?

Короче, мы расстались. Потому что Дима хотел конкретики, чуть ли не дорожную карту на пять лет вперёд, а я не могла и не хотела её давать.

Не вышло. Не сложилось.

Дима не знал, что когда-то с Макаром мы даже примерно обсуждали дату свадьбы. Понятно, что это было продиктовано обстоятельствами — теми самыми. Но, чего греха таить, если бы я не хотела за него замуж, мы бы просто жили вместе. Даже с ребёнком с тем, который так и не появился.

И Дима не знал всей подноготной. Не знал про потерю и предательство. Об этом знает очень ограниченный круг: я, мои родители, Лена с Серёжей, Алинка и

Сам Макар.

Ах да, Макар. Если говорить о нём, то тут за полтора года мало что изменилось с той нашей последней встречи в больничной палате. Мы стали друг для друга чужими людьми. У каждого своя жизнь. Но я покривлю душой, если скажу, что мы больше никогда с того дня не виделись.

Потому что виделись. Ровно два раза.

Глава 2

POV Катя

Первая наша встреча с Макаром после всего случилась почти ровно через год. Как по расписанию, как будто Вселенная поставила себе напоминалку: *«Через 365 дней — устроить выкрученное на максимум болезненности пересечение»*.

А до этого мы, надо отдать должное, умудрились вообще не пересекаться. И это было какое-то чудо инженерной мысли, учитывая, что его родная сестра — моя лучшая подруга и начальница. Что его ближайший друг Серёжа и жена Лена стали моими близкими людьми. Что мы все жили в одном городе, ходили в одни и те же места.

Но вышло. Во-первых, Макар действительно уехал. Как я ему когда-то и «посоветовала» в той больничной палате. Сначала в Мюнхен, потом, кажется, в Берлин. Я не особо вникала. С Алиной у нас был чёткий и нерушимый договор — ни слова о Макаре. Ни о его жизни, ни о работе, ни о личном. *«Тема закрыта»* — так я сказала тогда и Алина, может быть и скрепя сердце, но согласилась. Во-вторых, в Питер он за тот год наведалься, по слухам, всего пару раз. Уже после крестин маленькой Ангелины и ещё один раз по каким-то своим делам. Алина летала к нему в Германию. Галина Николаевна, его мама, какое-то время тоже там жила, находясь на лечении. В родном городе ему, видимо, и правда нечего было делать. Наверное.

Я абсолютно не имела понятия, как он живёт. Встречается ли с кем-то? Работает ли в той самой немецкой компании? Пьёт ли он ещё кофе с корицей? Делает ли татуировки? Я ничего не знала. И не хотела знать. Потому что каждая такая мысль была как тыкать острым ногтем едва затянувшуюся рану.

Алина за весь год попыталась нарушить наш договор ровно один раз. Чуть больше чем через два месяца после всего. Мы с ней вырвались на короткий отдых в Турцию. В честь моего прошедшего дня рождения. Нам обоим это было не просто нужно, а жизненно необходимо. Отдышаться. Убежать от собственных мыслей.

Мы валялись на лежаках у бассейна, потягивая холодный безалкогольный мохито (я) и что-то сильно покрепче (Алина). Солнце припекало, но у меня внутри всё равно стоял лёгкий озноб.

— Как мама? — осторожно спросила я, глядя на воду.

Алина вздохнула, отложила книгу, которую не читала.

— Ты знаешь как будто бы хорошо. Честно. Макар — она опасливо посмотрела на меня, и я, не открывая глаз, просто махнула рукой — мол, продолжай. — Короче, как будто действительно наступила ремиссия. Мама пробудет там ещё до конца мая под наблюдением. А папа пока вернулся в Питер, чтобы все дела разгрести.

— Это звучит очень хорошо, Алин, — искренне сказала я. Мне Галина Николаевна очень нравилась. Она была сильной и очень доброй женщиной.

— Ага, — кивнула Алина, и в её голосе впервые за долгое время появились нотки надежды. — Мы как будто выдохнули, честное слово. Родители даже летом собираются поехать отдохнуть, если всё будет в норме.

— Я уверена, что всё так и будет, — погладила я её по руке.

— Да! Звучит как тост, за это надо выпить!

— Ты неисправима, — слабо улыбнулась я.

Мы ненадолго замолчали. Я прикрыла глаза, пытаюсь впитать в себя тепло турецкого солнышка, прогнать внутренний холод. Но чувствовала, как Алина периодически на меня поглядывает. Взгляд был нерешительным, будто она носила в себе какую-то ношу и не знала, куда её деть.

Я не выдержала. — Ну что?!

Она сделала вид, что не понимает, и посмотрела на меня так, будто я сошла с ума.

— Я вижу, как ты сверлишь меня взглядом через каждые две минуты, — сказала я, не открывая глаз, — Хочешь спросить, что там с Димой?

— Я не

— Так вот, ничего! Мы общаемся периодически. По-дружески.

— И он присылает тебе на работу цветы, — не выдержала Алина. — Охапками.

— И домой тоже, — согласилась я, наконец открывая глаза и глядя на неё. — И что?

Она смотрела на меня, и в её взгляде читалось сразу всё: и беспокойство, и любопытство, и та самая забота, которая иногда граничила с желанием раздавать непрошенные советы.

— Хочешь сказать, что я должна дать ему шанс, так? — спросила я прямо.

Алина покачала головой, отводя взгляд.

— Я больше никаких советов никому не раздаю, Кать. Вы с Димой взрослые люди, сами решите.

— Тогда в чём дело?

Она долго мялась, кусала губу, явно сомневаясь, стоит ли говорить. Я просто захлопнула книгу и вопросительно изогнула бровь. Мол, выкладывай, давай, раз начала.

— Мы можем на пять минут приостановить договор? — выдавила она наконец.

Я сразу поняла, о чем речь. Но сделала вид, что не совсем догоняю.

— Какой ещё договор?

— Насчёт Макара — прошептала она.

Во мне что-то ёкнуло при звуке его имени. Мурашки пробежали по спине.

— Что-то случилось?

— Да нет. Не совсем.

— Алин, давай уже, выкладывай всё, что там. Но это первый и последний раз. Поняла?

Она энергично закивала, как будто боялась, что я передумаю.

— Короче, помнишь те фотки в сторис Крис в клубе и потом из квартиры Макара?

Я почувствовала, как внутри всё сжимается. Раздражение, острое и едкое, поднялось комом в горле.

— Алин, ты издеваешься? — мой голос прозвучал резко. — Нет, блин, память отшибло, забыла всё как страшный сон!

— Ну прости, я просто так выразилась! — она начала тараторить в спешке, боясь, что я её остановлю. — Короче, тогда в его крови действительно обнаружили кое-что. Понятно, что ему это подмешали. Не буду вдаваться во все подробности, потому что там в основном Серёга в этом разбирался. Но они прижали эту дуру Крис, припугнули заявлением, что типа на камерах бара видно, как она что-то подсыпает ему в бокал. Ну и, в общем, она знатно обосралась. Призналась во всём. Сказала, что да, фотки наделала, но Макар был не в себе и вообще всё время думал, что рядом какая-то Катя — она быстро посмотрела на меня, — то есть ты. И что между ними ничего не было. Она сказала, что он был в таком невменозе, что у него бы тогда даже не привстал, понимаешь? Короче, он с ней не спал в ту ночь. Вот о чём я

Она замолчала, смотря на меня выжидающе, с какой-то глупой надеждой. А я просто сидела и смотрела куда-то в сторону бассейна, где резвились дети. Что я должна была чувствовать? Облегчение? Желание всё вернуть? Раскаяние, что прогнала его тогда?

Ничего из этого не пришло.

Вместо этого установилось странное, ледяное спокойствие. Как будто мне рассказали сюжет давно просмотренного фильма. Да, видимо, это была правда. Но какая теперь разница?

— Это он попросил тебя мне доложить? — спросила я ровным голосом.

— Нет, ты что! Это мне вообще Серёга рассказал, когда я его допекла вопросами — запнулась Алина.

— И что ты хочешь, Алин? — повернулась я к ней. — Чего ты ждёшь? Что я расплачусь, побегу звонить ему, просить прощения?

— Нет! Я просто просто чтобы ты знала правду. Всю.

— Эта правда ничего не меняет, — сказала я тихо, но очень чётко. — Ровным счётом ничего. Тема закрыта. Навсегда.

Я видела, как Алинка мучается. Как она кусает губы, хочет возразить, поспорить, втолковать мне что-то. Но сдерживается. Её плечи опускаются.

— Поняла, — прошептала она. — Прости.

И мы больше об этом не говорили.

Как же мы тогда пересеклись с Макаром? Да при самых ужасных, самых чёрных обстоятельствах, какие только могут быть.

На похоронах их с Алинкой матери.

Да, Галина Николаевна сначала чувствовала себя хорошо. Даже съездила с мужем летом отдохнуть, присылала Алине красивые фотографии из путешествия. А в сентябре рак вернулся. С удвоенной, даже утроенной силой. В ещё более агрессивной форме. Врачи разводили руками. Сгорела она почти за полгода

И в феврале её не стало.

Февраль, черт его бери. Уже второй год подряд этот месяц становился синонимом потерь, явно решая не изменять традиции.

Алина, убитая горем, в последние недели жизни Галины Николаевны почти не выходила из дома, не отвечала на звонки коллег. И вот настал день.

Похороны.

Макар, как я знала от Серёжи, сам всё организовал, быстро вернувшись из Германии. Все знали, что другого исхода уже не будет, и просто ждали... но, как это всегда бывает, готовыми к такому не становятся никогда.

Утром в день похорон Макар приехал за Алиной в её квартиру. Его сестра наотрез отказалась ночевать в родительском доме — там каждый угол, каждая вещь напоминала о матери. Я кое-как собрала её: чёрное платье, туфли на низком каблуке, попыталась причесать её спутанные волосы. Она сидела на краю дивана в гостиной, тупо уставившись в выключенный телевизор, её руки лежали на коленях, пальцы судорожно сжимали и разжимали ткань платья. Она была похожа на сломанную куклу.

Я тоже была в чёрном — строгое платье чуть ниже колен, волосы собраны в простой пучок. Сил даже на минимальный макияж не было. Какой смысл, когда его всё равно смоят слёзы?

Звук ключа в замке заставил меня вздрогнуть. Дверь открылась, и в прихожей возник он. Макар.

Мужчина просто стоял на пороге, не разуваясь, не снимая длинного чёрного пальто. Он как будто постарел лет на пять, может и больше. Лицо осунувшееся, жёсткое, с резкими, глубокими складками у рта. Под глазами — фиолетовые тени, будто он не спал неделями. Глаза. Глаза были пустыми. Потухшими. В них не было ни боли, ни злости, ни даже усталости. Просто пустота, как в заброшенном колодце. Он бросил на меня короткий взгляд, когда я вышла в коридор. И всё. Ни единой эмоции. Ни намёка на то, что мы когда-то знали друг друга ближе, чем кто-либо.

— Привет, — сказал он. Голос был хриплым, низким, без какой-либо интонации.

— Привет, — ответила я, и следующие слова будто застряли в горле. — Макар мне очень жаль. Очень.

Он просто стоял и смотрел куда-то мимо меня, на стену, будто не слышал. Его молчание было тяжелее любых слов. Могла бы подойти. Обнять его. Сказать что-то более тёплое, более человеческое. Но как? Я потеряла это право полтора года назад в больничной палате. Мы уже

были чужими. А чужих в такую минуту не обнимают. Не утешают. Можно только молчать и смотреть, как человек тонет в своём горе, не имея возможности бросить ему спасательный круг.

— Я сейчас приведу Алину, — пробормотала я, отводя взгляд.

Он просто коротко кивнул.

— Может, воды? — слабо предложила я.

— Нет, Катя, — его голос прозвучал ровно, безразлично. — Просто приведи сестру. И поехали.

— Я я пока останусь, — сказала я, чувствуя себя глупо. — Подъеду чуть позже.

Он с тем же каменным лицом спросил:

— Дмитрий твой отвезёт?

Вопрос был неожиданным. Мы с Димой к тому времени уже расстались. Но видимо, не только у меня стояло табу на новости о Макаре. У него, получается, тоже. Или Алина с Серёжей просто сочли мою личную жизнь не стоящей обсуждения на фоне таких событий. Что, в общем-то, было справедливо.

— Нет, — ответила я тихо. — С Серёжей.

— А-а-а, — просто произнёс он, но в этом звуке не было ни удивления, ни интереса.

Вот и весь наш разговор.

На похоронах Макар был не один. С ним была девушка. Стройная, в элегантном чёрном костюме, с аккуратной причёской. Они не держались за руки. Она не брала его под руку, не пыталась обнять, не шептала ему что-то на ухо. Просто была рядом. На шаг сзади. Как тень. Как сопровождение.

Она была достаточно обычной. Миловидной, но не бросающейся в глаза. Ничего общего, например, с кричащей, вызывающей красотой Крис. Совсем другая вселенная. Я наблюдала за ними украдкой, стоя рядом с Алиной, которая почти всю церемонию простояла, прижавшись ко мне и тихо плача. И чувствовала что-то странное. Не ревность. Нет, чёрт побери, не ревность. Скорее любопытство. И лёгкую, но неприятную тяжесть в груди.

В какой-то момент Серёжа, стоявший с другой стороны от меня, наклонился и тихо, чтобы не слышала Алина, прошептал:

— Я, честно говоря, и сам не знаю, кто это такая. В первый раз вижу.

Хм. Странно.

Мы с Серёжей и Леной уехали с поминок пораньше. Алина, немного придя в себя, решила остаться с отцом и братом в их доме, хотя я видела, как ей тяжело далось это решение.

Я вообще не хотела видеть Макара в тот день. Не хотела этой встречи, этого молчания, нашего мёртвого прошлого на фоне настоящей смерти. Но у жизни, как всегда, свои планы.

И, как оказалось, у неё были планы и на следующую нашу встречу. Она случилась достаточно скоро.

И проходила тоже далеко не при самых радужных обстоятельствах.

Глава 3

POV Макар

— Привет, — сказал я. Голос прозвучал чужим и отстраненным.

— Привет, — ответила Катя. И добавила, после секундной паузы: — Макар мне очень жаль. Очень.

Пожалуй, это всё, что отложилось у меня в голове после той встречи. Которая произошла спустя почти ровно год. На похоронах моей матери. В прихожей квартиры сестры.

Если копнуть глубже эту выжженную пустыню, которую принято называть душой, то я ждал большего. Не знаю, чего именно. Точно не того, что мы бросимся друг другу в объятия, или она из жалости забудет всё, что произошло.

Эта мысль умерла примерно где-то через несколько месяцев жизни в Германии, когда я окончательно понял — ничего не вернуть. Но в день похорон моей матери я ждал хоть чего-то. Хоть намёка на то, что она видит перед собой не просто брата её подруги, а человека, которого когда-то знала очень даже близко. Хоть тень реального сочувствия в глазах, кроме этой вежливой, заученной фразы «*мне очень жаль*». Как будто я абсолютно посторонний мимо проходящий человек, а не А не кто? Бывший парень? Человек, с которым она потеряла ребёнка? Да какая разница. Она была холодна. Холоднее того февральского дня за окном. Холоднее мраморного надгробия, который в тот день опустили в землю.

Я думал, что, может, проанализирую всё это позже. Может, даже буду злиться. Но тогда мне нужно было просто выжить. Просто дожить до того момента, когда гроб опустят, и можно будет, наконец, позволить себе развалиться.

Ненавижу февраль. Этот ублюдочный месяц сначала забрал у меня неродившегося ребёнка. А теперь прихватил и мать. С разницей в год.

Почему я не говорю, что февраль забрал у меня ещё и Катю? Потому что это было целиком и полностью её решение. Она сама взяла и вышла из моей жизни. Просто повернулась и ушла.

Всё.

Не было никакиз обстоятельств непреодолимой силы. Просто её выбор. И с этим ничего нельзя поделать. Проще принять, что комета врезалась в планету, чем то, что человек тебя в момент просто вычеркнул из жизни.

Я — дурак. Так переживал, так истязал себя виной все эти месяцы! Считал себя последним уродом, который всё просрал. Думал, что если бы не болезнь мамы, я бы просто приехал в Германию и начал беспробудно бухать. Ну ладно, работал бы и бухал в промежутках. Но надо было держаться. Поддерживать маму, отца. Алинка, слава богу, перестала смотреть на меня как на прокажённого и начала нормально разговаривать. Мне было плевать на всю эту Германию с высокой колокольни. Тогда волновало только одно — маме ставили оптимистичные прогнозы. Это была наша общая надежда, свет в конце тоннеля. Больше нашей семье ничего и не надо было.

А ещё я думал о Кате. Каждый день. Каждый чёртов день. Сколько раз я порывался написать ей! Сто раз? Тысячу? Я буквально наступал себе на горло. Потому что обещал. Потому что она попросила оставить её в покое. Это было единственное, что я мог для неё сделать. И я это сделал.

Каков идиот!

Наверное, у меня была депрессия. Я в этом не разбираюсь, никогда не ходил к психологам — не мой формат. Но мне тогда ничего не хотелось. Жизнь крутилась по узкой колее: работа — клиника — квартира — еда (когда заставлял себя) — сон (когда получалось). Никуда

не выходил, ни с кем не общался, кроме коллег, родителей, Серёги по видеосвязи, Алинки и изредка Славика, который умудрялся раздражать меня даже в другой стране своим сарказмом.

Всё изменилось в день очередного созвона с Серегой, когда в разговоре он сообщил: «Кристинку прижали. Она всё рассказала». И объяснил. Про выдуманные им камеры в баре. Про то, как она признала, что подсыпала мне в стакан какую-то дрянь. Про то, что я думал, что нахожусь с Катей. Про то, что я был в таком состоянии, что член «даже не привстал бы», как она выразилась. Ничего не было. Вообще. Я был чист. Виноват только в том, что остался в той компании и не проверял, что пью.

Это было как глоток чистого воздуха после года в затхлом подвале. Жить даже захотелось. По-настоящему. И появилась надежда. Я же теперь не виноват! Ну, почти. Катя узнает, мы поговорим, всё разрулим, и И что? И снова будем вместе? В этой наивной эйфории я забыл, что прошло какое-то время. Что её жизнь пошла дальше. Что она, возможно, уже вычеркнула меня навсегда.

Серёга, кажется, почувствовал эту мнимую эйфорию по моему голосу. И тут же, резко, её обрубил.

— Сомыч, я не собираюсь ей об этом рассказывать, — сказал он твёрдо. — Понимаешь? Я молчал. Не мог подобрать приличных слов.

— Да и ты тоже, — продолжил он, уже мягче, но не менее непреклонно.

Внутри всё начало закипать.

— Да что ты? — огрызнулся я. — Теперь ты у нас за всех решения принимаешь? Решаешь, что мне можно, а что нет?

— И чего ты бесишься? — Серёга вздохнул. — Она только вроде бы нормально жить начала. Вернулась ко всему, хоть с кем-то в смысле, хотя бы из дома выходит

В мозгу что-то щёлкнуло. Тихо, но отчётливо.

— Что значит «с кем-то»? — спросил я, и мой голос стал опасным, тихим.

Серёга замолчал. Я слышал, как он втягивает воздух носом, колеблется.

— Макар, не надо

— Я задал конкретный вопрос, Серёг. Что значит «с кем-то»?

Он сдался. Сдался, потому что знал — я не отстану. — Катя несколько недель назад начала в офис ездить. Домой её привозят.

Меня будто ударили в солнечное сплетение. Воздух перехватило.

— Блять, — выдохнул я. — Ты специально издеваешься что-ли? Я спрашиваю, КТО!

Ещё пауза. Длинная, мучительная.

— Дима этот, — наконец выдавил Серёга.

Бля. Двойное, жирное, ехидное «ха-ха». Конечно же. Кто же ещё. Дима-идеальный. Дима-правильный. Дима, который всегда был где-то на горизонте, как стервятник, ждущий, когда я облажаюсь. И вот он дождался. И Катя Катя же позволяет, верно? Хотя она и раньше давала ему возможность быть рядом. Если бы тогда, в самом начале, мы это не обсудили, он так бы и вился вокруг неё, как навязчивый комар. И теперь, когда меня нет Конечно, позволяет.

Пиздец.

— Вангую, что ты сейчас бесишься, — голос Серёги прозвучал устало. — Ленка говорит, что Катя ни на что с ним не настроена. И что речи об этом быть не может. Так что перестань там полыхать.

Я раздражённо хмыкнул, сжимая телефон так, что, кажется, услышал треск пластикового чехла.

— Катя вообще много чего говорит, Серёг. Говорила, что со мной тоже ничего серьёзного не будет. А потом оказалась беременна. Так что её слова, извини, стоят недорого.

— Макар

Серёга что-то говорил, но я не слушал...

— И что, она теперь с ним на работу и с работы катается? Цветочки от него получает? — я не мог остановиться. Злость, горькая и едкая, разливалась по всему телу.

— Макар, да ты вообще слышишь, что я говорю?! Катя крестной Ангелины будет! — выпалил Серёга, пытаясь донести до меня мысль.

Всё внутри снова оборвалось и рухнуло в какую-то бездну.

— И в общем, я в полете, как крестный, — констатировал я глухо. — Понял. Логично.

— Макар, не надо так

— Катя, видимо, решила всё у меня окончательно отобрать в отместку, да? — продолжал я, уже не слушая его. — Классно. Теперь, глядишь, мое место твоего друга займёт этот Дима. Зашибись!

— Ты ведёшь себя как малолетний пиздюк! — в голосе Серёги впервые прорвалось настоящее раздражение. — *«Катяяа отобрааала»!* Это было решение Лены! И я её в этом поддерживаю! Ты уже любимый крестный Ваньки! Мало тебе?

— Надеюсь, крестным Ангелины вы этого дебила-Диму не сделаете, — язвительно бросил я. — А то по обычаям, вроде как, нельзя. Крестным родителям спать вместе потом нельзя. Грех, Серег. В трубке воцарилась тишина. Потом Серёга тихо, но очень чётко сказал:

— Какой же ты, блять, гондон иногда, Макар. Конченный.

Он завершил звонок. Вот и поговорили.

Понятно, что потом мы помирились. Он перезвонил через день, мы обсудили дела, я извинился. Но осадочек, как говорится, остался.

Еще я ЗНАЛ, что Алинка рассказала Кате про Крис и вскрывшуюся правду. В Турции. Она сама мне потом позвонила, расстроенная, сообщила: *«Я не удержалась, рассказала. Но она она сказала, что это ничего не меняет».*

Так и сказала. *«Ничего не меняет».* Класс. Просто офигенно.

Я сам не выдержал. Через пару дней после этого разговора с Алинкой, ночью, на взводе, я написал Кате сообщение. Короткое, дебильное: *«Тебе же рассказали новости?»*

Она прочитала. Часа через два. И не ответила. А потом я вообще обнаружил, что меня засунули в чёрный список. Во всех мессенджерах. Классная прошлая любовь, да? Хотя о чём это я. Катя ведь так и не снизошла до того, чтобы меня полюбить. Это я, как полный дебил, твердил ей об этом, задыхался от этого чувства, не мог этой девушкой надыхаться. А она в лучшем случае говорила: *«Ты мне безумно нравишься, Макар».*

Я Катю безумно любил. А ей я безумно нравился. Чувствуем разницу, да?

Но зато я, кажется, излечился! Ура! Перестал себя винить. Потому что был виноват лишь в одном — пошёл к другу на день рождения, заранее согласовав это с Катей. А потом с ней случилась беда. И со мной — тоже. Мы могли пережить потерю ребёнка вместе. Это же и моя потеря была! Мы могли бы хотя бы попробовать идти дальше, поддержать друг друга, попытаться снова через время. Но Кате нужен был виноватый. Удобный козёл отпущения, на которого можно было свалить весь ужас произошедшего. Она же сама мне поверила в больнице, что я ничего не делал. А теперь ещё и узнала точно. Но это же так удобно — обвинить во всех грехах меня и выкинуть из своей жизни одним движением.

Высший пилотаж. Bravo.

Когда я узнал от Алинки, что у Кати начались отношения с Дмитрием, даже не удивился. И полугода не прошло. Удобно. И я не испытал ничего, кроме какого-то дебильного, уродливого злорадства. Мол, так я и знал. Совет да любовь. Счастья молодым. Пусть плодятся и размножаются.

Я больше не любил Катю. Это было довольно странное осознание. Когда я приезжал в Питер (редко, по делам) и заходил к Серёге, моё сердце больше не ёкало от мысли, что она где-то рядом, в соседнем корпусе. Ничего. Пустота. Обида, чувство несправедливости и какое-

то глухое раздражение затмили все прошлые чувства. Как будто кто-то взял яркую, сочную картину и залил её толстым слоем серой, унылой краски.

Если раньше я ловил каждую крупницу информации о ней, то сейчас — нет. Ни разу уже не спросил у Алинки или Серёги, как она. Да и они не спешили распространяться. А что говорить? Со дня на день, наверное, выскочит замуж за своего Диму. И нарожает ему детишек. С ним, я уверен, получится. Или просто будет ему мозги делать, как делала мне. Хотя вряд ли. Это только со мной так можно было. Только я такой дурак, который позволял себя так использовать и потом ещё и винил себя.

И вот, в тот день похорон в феврале, я оказался в квартире Алинки и увидел Катю. Что я почувствовал? Если скажу «ничего» — совру. Было какое-то остаточное явление. Слабое, глупое трепыхание где-то в районе груди, как у рыбы, выброшенной на берег.

И всё.

Да, она по-прежнему была очень красива. Даже в простом чёрном платье, с бледным, без макияжа лицом и волосами, собранными в небрежный пучок. Тонкая, изящная фигурка, знакомый изгиб шеи, те самые огромные «глаза оленёнка», которые когда-то сводили меня с ума. И губы. Но нужно ещё добавить про её глаза. Они были абсолютно безжизненными. По отношению ко мне. В них не было ни ненависти, ни тепла, ни даже простого любопытства. Просто пустота.

Как и у меня внутри.

Она даже со мной в машине ехать не захотела. Сказала, подъедет позже с Серёгой. Видимо, настолько я был ей противен, что даже двадцать минут в одном салоне не могла вынести.

На похоронах я на неё не смотрел. Во-первых, было не до того. А во-вторых не хотелось. Зачем? Чтобы увидеть в её взгляде ту же учтивую вежливость?

Нет уж, спасибо.

В Россию на похороны со мной зачем-то увязалась Мару. Ну, вообще-то она Маша, но «Мару» ей почему-то приятнее. С ней я познакомился в Германии, уже находясь в Берлине. Жили в одном комплексе. Она уехала в Германию по какой-то программе репатриации пару лет назад, работает дизайнером на фрилансе. Приятная, непринуждённая, без заморочек. Никаких драм.

Стоит ли говорить, что мы трахаемся? Ну, видимо, стоит. Но делаем это без каких-либо обязательств. Просто два одиноких человека, которым иногда бывает хорошо вместе в физическом плане. Наверное, это нельзя было назвать даже «сексом по дружбе». Скорее, взаимовыгодным сотрудничеством на почве скуки. Отношениями это тоже не назовёшь. С учётом того, что у мамы снова начался рецидив, мне было не до чего-то серьёзного. Да и не хотелось этого. Совсем.

Но она почему-то решила поехать со мной в Россию. «Поддержать», сказала. Ну, ок. Захотела — и ладно. Тем более у неё родственники в Москве, она потом к ним собиралась. На похоронах она была просто ну, рядом. Никому не мешала, ни во что не лезла.

Серёга, конечно, не мог не прокомментировать. Отвёл меня в сторону уже на поминках.

— Девушка твоя? Чего не сказал? — спросил он тихо.

— Нет, — коротко ответил я.

— Что «нет»?

— Не девушка.

Серёга нахмурился. — А нахера тогда притащил сюда?

Во мне что-то дёрнулось. Усталость, горе — всё это вылилось в резкость.

— Она сама притащилась, если тебе так интересно! И вообще, мне у тебя разрешения надо спрашивать, кому можно быть на похоронах моей матери?

Друг отступил на шаг, подняв руки.

— Прости, брат. Не кипятись. Я просто — он похлопал меня по плечу. — Мы с Катей поедем через минут двадцать. Завтра заеду, хорошо?

— Да, давай, — кивнул я, уже без особых эмоций, просто опустошённый.

Пока он отходил, в голове пронеслась мысль: «*А что же Дима не приехал забирать свою красоту? Неудобно в чужое горе соваться?*» Но тут же прогнал её. Какая, в сущности, мне разница?

Катю я больше не любил. Это был факт. Холодный, твёрдый, как камень, который я теперь нёс в груди вместо сердца. И, кажется, мне даже такой формат больше нравился. Потому что любить — это больно. А не любить не любить — это просто пусто.

А пустоту терпеть гораздо проще.

Глава 4

POV Катя

Как там говорят? Беда не приходит одна? Да она, блин, обожает ходить в гости компанией и с закусками. В прошлый февраль у нас тоже был полный фарш: потеря ребёнка; жёсткое, прям с ножом в сердце, расставание с Макаром, и мой долгий «отходняк» после всего этого дерьма, когда мир казался выцветшим, как на дешевой и некачественной открытке.

И вот, видимо, Вселенная и сейчас решила, что семейству Сомовых недостаточно просто утраты. Нет, нужно навалить еще. Чтобы не скучали!

Горе вообще каждый переживает по-своему. Макар вот через три недели после похорон укатил обратно в Германию. Что логично — у него там контракт, работа, какая-никакая жизнь. Его отец, Александр Петрович, с головой ушёл в свой бизнес, став ещё более молчаливым, суровым и замкнутым, чем раньше.

А Алинка Алинка сломалась.

Я бы сказала, что с ней случились неприятности, но это было бы слишком мягко. Даже слащаво. Потому что вообще-то произошла настоящая беда.

Какое-то время до и уже после похорон Алина не появлялась в офисе. Поддерживала связь из дома, все встречи и дела вела удалённо. Мы виделись за это время от силы раза два. Она говорила, что живёт с отцом, начала ходить к психологу. Я видела, как она тает на глазах, теряя вес на нервной почве, замечала, как всё больше дел подруга старается перекинуть на меня. Пыталась её вытащить. Уговаривала выйти куда-нибудь, хоть просто приехать на чай. Подбрасывала идеи о новых проектах, пересказывала все новости и сплетни в компании. Но всё было тщетно. Она смотрела сквозь меня, натягивая на себя улыбку.

Давить мне тоже не хотелось. Прошло ведь совсем ничего после смерти её мамы. Алинке нужно было время и покой. И я могла помочь ей именно этим — взвалить на себя максимум работы, чтобы у неё было это пространство для горя.

«Перспектива» тем временем планировала расширяться. Мы решили зайти в сферу NoReCa — отели, рестораны, кафе, кейтеринг. Золотая жила, если правильно подойти к вопросу. Поточковый бизнес, постоянная потребность в обучении персонала: от менеджеров до официантов. Почву прощупали, решили стартовать с Сочи. На Москву пока не замахивались. Были уже и кандидатуры тренеров, и даже руководитель направления.

Вообще всей этой историей больше занимался Савицкий, это его проект. Он вёл переговоры с потенциальными партнёрами и должен был лететь в Сочи, чтобы окончательно утвердить рабочий офис. Но в последний момент у него там что-то «не сложилось по датам». В итоге Артём вообще срочно взял отпуск. И ехать пришлось мне.

Я проторчала в Сочи почти неделю. «Проторчала» — неверное слово. Потому что помимо рабочих дел, было офигенно приятно дышать морским, теплым весенним воздухом, греться на солнышке, с которым наше питерское даже рядом не стояло. Это была для меня тоже передышка. Короткая, но такая нужная.

Должна была вылетать домой через два дня. Вещи потихонечку собирала, наслаждалась последними днями на побережье. За два дня до вылета как раз подписали бумаги на офис, дело сделано, Катя — молодец. Ранним утром я сидела на балконе номера с видом на море и пила кофе, наслаждаясь тишиной.

Зазвонил телефон. Савицкий. Голос у него был странноватый, без обычной едкой нотки. То, что он мне рассказал, повергло меня в шок. Если проще и четче, то я ОХРЕНЕЛА. Хорошо хоть сидела, а то падать на плиточный пол балкона было бы малоприятно.

— Тебе заказали билет, — продолжил он. — Вылет через два часа. Быстро собирайся и выдвигайся в аэропорт.

Мозг отказался обрабатывать информацию.

— Я не понимаю.

— Чё непонятного, рейс скоро, говорю. Поторопись.

— Артём, как же так? — голос мой дрогнул. Холодная струйка пота пробежала по спине.

— Основное ты знаешь, дальше Алина сама расскажет. Сейчас у меня нет времени с тобой рассусоливаться.

— Нет, сейчас! — уже почти кричала я, вскакивая с кресла.

Он вздохнул, и в этом звуке было такое дикое раздражение, что меня аж бросило в жар.

— Артём!

— Да блин, она уже три недели в реабилитационном центре. Всё с ней нормально, просто собирайся и поезжай.

Нормально?! Да мир опять перевернулся. Я сжимала телефон так, что пальцы побелели.

— Ты Ты что же, черт возьми, молчал все эти недели?! — голос сорвался на ультразвук.

— Делал я это не по своей воле, — отрезал он. — Макар, кстати, тебя встретит в аэропорту, потом сразу поедете к Алинке.

— Макар? Он в Питере? А Александр Петрович знает про рехаб?

— С дуба рухнула? Отец её ничего не знает. Алина не хочет его пугать. Макар прилетел позавчера. Всё? Больше вопросов нет? Встретитесь, соберете её вещи из квартиры и сразу в центр.

Он бросил трубку. Я опустила обратно в кресло, уставившись в тёмный прямоугольник экрана, и чувствовала, как окружающий мир начинает медленно вращаться. Мне пришлось опустить голову между колен, чтобы не потерять сознание.

Дышать было нечем.

Тут, наверное, надо всё объяснить по порядку. Хотя какого чёрта, какой там порядок

Алинка не просто «пропала». Она начала употреблять. Ещё за пару недель до смерти матери, когда стало окончательно ясно, что счёт пошёл на дни. Сначала, видимо, немного, чтобы «расслабиться», «уснуть». Потом — больше. Никто не замечал. Хотя нет, не так. Заметил один человек.

Савицкий.

А я-то, дура, ещё считала себя хорошей подругой! *«Не стоит тревожить Алинку, нужно дать ей пространство»*. Пространство для того, чтобы она травила себя всякой дрянью. Я, блин, ничего не видела! Например, расширенных зрачков, а эту её странную, плавающую улыбку, вообще списывала на усталость и горе.

Савицкий, хоть и редкостный урод по отношению ко всему человечеству, для Алинки всегда был исключением. Их странные, тянущиеся отношения, эта смесь неприязни, страсти и какой-то дикой привязанности. Вся эта история в очередной раз доказывала, что между ними реально что-то настоящее и серьезное. Что-то, что заставило его встряхнуть Алинку. Взять и устроить её в частный реабилитационный центр. Добровольно. Потому что подруга сама понимала, что катится в пропасть. У неё остались отец, брат, компания. Поэтому не было никакого принудительного заточения. Было добровольное решение принять помощь.

Её программа, как оказалось, заканчивалась через неделю. И она хотела, чтобы близкие знали. Все, кроме отца. Его она боялась разочаровать окончательно.

Треш. Просто гребаный кошмар. Если бы не Савицкий. Вот честно, хрен знает, чем бы всё кончилось. У меня, судя по всему, глаза были основательно кое-чем обшиты. А Макар просто далеко

Короче, я кое-как собралась, на автомате сложила оставшиеся вещи, вызвала такси. В голове гудело. В аэропорту у меня ещё даже оставалось время. А потом рейс вообще несколько раз переносили. Стало понятно, что сегодня до Алинки я уже не доберусь.

В каком-то апатичном, отрешённом состоянии после очередного сдвига рейса на час я поёрлась в дьюти-фри. И зачем-то набрала кучу мини-версий алкоголя. Безумие. Я вообще-то не пью. Но, во-первых, на трезвую голову встречаться с Макаром мне не хотелось категорически. Хотя вряд ли он будет меня ждать в Пулково после такой задержки рейса. А во-вторых, меня просто всё задолбало. Окончательно и бесповоротно. Вокруг творилось одно сплошное дерьмо, и хоть чуть-чуть хотелось забыться.

Одну мини-бутылочку я прикончила ещё в зале ожидания. Без особого эффекта, кроме лёгкого жжения в желудке. А вот в салоне самолёта (бизнес-класс, спасибо щедрости Савицкого, другого билета просто не было) меня хорошо так угощали шампанским. И я не отказывалась. Бокал, другой К выходу из самолёта я была уже прилично навеселе. Не так чтобы «в говно», но мир казался размытым по краям, а в голове стоял приятный, отстранённый шум. С Алинкой же всё хорошо? В принципе, да. Лечится. Савицкому надо памятник при жизни поставить. А Макару Макару просто, на всякий пожарный напишу, что доеду на такси. И в рехаб мы поедем порознь. Хотя он теперь уже успел, наверное, туда сгонять.

Ну вот, всем удобно. О чём переживать-то?

Мдааа Апрельская погодка в Питере в восемь вечера знатно отличалась от сочинской. Резкий, влажный и холодный воздух противно подул в лицо, когда я вышла из самолета, чтобы доехать до терминала. Я поёжилась, чувствуя, как сознание начинает трезветь. А это вот мне не подходило. Не-ет. Хочу обратно, в эту тёплую невесомость! Легкости хочу, блин!

Чуть не оставила свой чемодан на ленте. Судорожно порылась в сумке, нашла и прикончила ещё одну микро-бутылочку. Потом, уже идя к выходу и глядя на потоки людей, начала искать в телеге Макара, чтобы написать ему. Руки не слушались, буквы контактов прыгали.

И тут

— Эй-эй-эй, остановишься, может?

Голос. Низкий, знакомый до мурашек. Я резко подняла голову.

Макар. Чёрт. Он стоял в паре метров, засунув руки в карманы ветровки, смотрел на меня с таким выражением, будто я не из самолета недавно вышла, а выползла из канализации.

— Блин, — выдохнула я, — я только хотела тебе написать, что доберусь на такси.

Он коротко и как-то даже гаденько усмехнулся.

— Для этого тебе сначала нужно будет мой номер из чёрного списка достать.

Почувствовала, как жар разливается по щекам. Совсем забыла про то, что он у меня заблочен... Макар подошёл ближе и потянулся к ручке моего чемодана. Я инстинктивно дёрнула её на себя.

— Не надо. Я сама.

— Кать, давай вот только не сейчас, а? — в его голосе прозвучало раздражение. — Думаешь, мне это в кайф? Тридцать лет тебя в аэропорту ждать?! Савицкий попросил тебя встретить. Я выполняю. Точка

— А ты прям, я смотрю, всё делаешь, что тебе говорят, — язвительно бросила я.

Он нахмурился, глаза сузились.

— А я вот еще думал, чего это он твоего Димасика не припряг? Или ты стала настолько невыносимой, что даже он уже тебя не выдерживает?

Хм. Значит, он до сих пор не знает, что мы с Димой разошлись. Ну и ладно. Меньше знает — крепче спит.

— Он в Москве. И тебя это не касается. Я с большим удовольствием доберусь сама.

— Да я и не претендую, чтобы касалось. — безразлично пожимает плечами. — Раз уж я здесь, значит, отвезу. Хер ли тогда ехал и торчал тут..

— Мог бы не ехать и не торчать — меня чуть повело в сторону и я споткнулась о свой же чемодан. Макар вдруг принялся, его взгляд стал более пристальным, оценивающим.

— Ты что пила?

Блин. Неужели так заметно?

Промолчала и отвела взгляд.

— Класс, — проворчал он, закатывая глаза. — Сестра в рехабе, а бывшая пристрастилась к алкоголю. Зашибись.

— Тебя это не касается! — еще раз огрызнулась я, чувствуя, как злость поднимается комом в горле.

Он всё-таки выхватил у меня чемодан, а потом потянулся за моей сумкой. Стекланные мини-бутылочки внутри весело зазвенели.

Макар издевательски выгнул бровь. Я со злостью вырвала сумку обратно и, высоко подняв голову, потащилась к парковке. Через секунду услышала его шаги сзади, позже уже щелчок открывающегося багажника чёрного внедорожника. Того самого. Он его не продал.

А жаль.

Потому что это тоже место, которое хранило кучу воспоминаний. Слишком много.

Глава 5

POV Катя

Не глядя на Макара, залезла на переднее пассажирское сиденье. Он уже сел за руль, завёл двигатель. И в тишине салона, пахнущего кожей и чем-то ещё неуловимо знакомым, я начала его украдкой разглядывать.

Взгляд, правда, плохо фокусировался.

Такой же уставший. Хмурый настолько, что из принципа захотелось разглядеть складку на переносице.. Чёрная ветровка скрывала знакомые очертания плеч, татуировки. Волосы отросли, стали длиннее и ещё более всклокоченными, чем обычно. Да, он выглядел чуть лучше, чем в тот день на похоронах. Но горе, замотанность — всё это оставило на нём свои следы: резче стали скулы, глубже морщины у рта.

— Какие планы? — спросила я, чтобы разрядить давящую тишину и обстановку, пока снова полезла в сумку за бутылочкой.

— Уж т очно не отмывать машину от твоей рвоты, — ответил Макар грубовато, а моя бутылка моментально оказалась у него в руках.

— Охренел?

— Хватит тебе.

— С чего бы это тебе решать?

— С того, что ты сидишь в моей машине!

— Тогда останови!

— Не ори— он поморщился.

— Я сказала, останови! Вообще не желаю с тобой ехать!

— Да господи, держи, алкашка, — он бросил бутылочку мне на колени и скривился то ли от раздражения, то ли вообще от отвращения.

Придурочный.

Уже не хотела пить. Просто крутила прохладное стекло в пальцах. Блин, а нам ещё ехать вместе минут тридцать пять.

Это что то типа вечности.

— Почему ты так спокойно реагируешь на Алинку и все... ну... обстоятельства? — снова не выдержала я и заговорила первой.

Макар бросил на меня быстрый взгляд.

— А как мне прикажешь себя вести?

— Не знаю — я потупила взгляд. — С учётом того, что с Алиной

— Это не впервые, — резко перебил он. — И поверь, тот факт, что она добровольно легла в рехаб, о многом говорит в этот раз. Я свою сестру знаю.— А я ничего не заметила, — прошептала я, и в голосе прозвучала та самая вина, которую я давила в себе с момента звонка Савицкого.

Мужчина снова взглянул на меня, но я отвернулась к окну.

— Алинка отлично умеет притворяться, когда ей это надо.

— Я должна была заметить

— Да брось это нытьё, Катя! — его голос резко ожесточился. — Ну должна была, ну не заметила! Решила теперь мне поплакаться о своей невнимательности? Пожалуйся своему Диме, погрусти, и всё пройдёт.

— Какой же ты— Кто? Урод? Говнюк? — он накидывал варианты за меня. — Ну извини, не собираюсь играть в психолога или в друга, который будет тебя убеждать, что всё наладится и ты не виновата в том, что не заметила.

— Да слава богу, что мы не друзья!

— Вот и отлично. Значит, прекрасно будет просто помолчать.

Он изменился. Сильнее, чем я могла предположить. Этот Макар разительно отличался от того, что лежал на моих коленях в больничной палате чуть больше года назад. Того, что просил дать ему шанс, умолял, был сломлен.

Этого человека я не знала...

Неприятно дерзкого, равнодушного, чужого. И в каком-то извращённом смысле это было, наверное, к лучшему. Потому что если бы он вёл себя как раньше, я не знаю, что бы делала. Мозг тоже уже отказывался рисовать картинку прежнего Макара.

Он был стёрт.

Тепло в машине, монотонный шум двигателя и усталость от бесконечного ожидания в аэропорту сделали своё дело. К концу поездки меня знатно развезло. Хотя к злополучной бутылочке, так и лежащей на моих коленях, я так и не притронулась. Когда мы подъехали к дому Алинки и зарулили в подземный паркинг, с трудом открыла дверь и буквально чуть не вывалилась на асфальт.

— Чёрт, ты же была более-менее нормальная! — Макар выскочил с другой стороны, его лицо исказилось раздражением. — Какого хрена?

— В машине было слишком тепло — пробормотала я, пытаясь ухватиться за стойку, но ноги были ватными. — Так, оставим твой чемодан в багажнике. Утром принесу.

— Что-о-о? Какой утром? — язык заплетался. — Поезжай к себе.

— Я в квартире родной сестры больше у себя, чем ты, ясно? — зарычал он и подхватил меня под руку.

Я попыталась вырваться.

— Тогда я поеду домой

— Тоже, кстати, в квартиру моей сестры? Или к Дмитрию, пока он в Москве? — продолжил плевать ядом Макар.

— Вообще-то я уже купила свою — буркнула я, наблюдая, как огоньки освещения паркинга красиво расплываются.

— Да мне насрать, честно говоря.

Говнюк! Правда, которому пришлось почти тащить меня, спотыкающуюся, до лифта, а потом и до самой квартиры.

— Это тупо — ночевать в одной квартире, — бормотала я, прислонившись к косяку, пока он копался с ключами.

— Тупо — это наклюкаться, как ты, — огрызнулся он, наконец открывая дверь. — Разойдёмся по комнатам, и всё. Не собираюсь ехать за город к отцу, потому что жил здесь, как приехал. И заказал еды тоже сюда. А тебя тащить на Васильевский в таком состоянии тоже не горю желанием, знаешь ли.

— А нафига ты тогда вообще меня сюда потащил изначально?

— Потому что завтра в семь утра надо выезжать в центр. И я не собираюсь кататься за тобой по городу. Плюс ты лучше знаешь, что там Алинке надо собрать. Она жаловалась, что Артём привозит всё не то.

— Да, это похоже на Алинку, — согласилась я, позволяя ему втощить меня в прихожую.

— Это потому что она сейчас в относительной норме. И капризничать может.

Макар помог мне снять тренч, и только сейчас, когда его руки мимолетно коснулись моих плеч, а потом скользнули по рукавам, я осознала, как он близко. Слишком, пожалуй. И пахнет он так же. От этого в животе предательски ёкнуло что-то из прошлого.

— Нужен чемодан, там мои вещи, — выпалила я, резко отстраняясь.

— Возьмёшь Алинкины, не перегибнешься.

Без его поддержки я осела на пол в прихожей и начала шмыгать носом. Выглядела, наверное, настолько жалко, что Макар закатил глаза, развернулся и буркнул:

— Щас принесу я твой чемодан.

Отсутствовал минут пять. Я за это время честно пыталась встать, но меня разморило, и хотелось просто лежать на прохладном паркете. Зато удалось снять кроссы.

Класс. Уже победа.

Макар вернулся, снова закатил глаза при виде моей полулежачей позы.

— Тебе надо в душ или в ванну с прохладной водой.

Он был прав.

— В душ.

Мужчина помог мне подняться и проводил взглядом, пока я шла по коридору в ванную. А потом зашёл за мной.

— Тебя не приглашали! — взвизгнула я.

— Я уже говорил, что не претендую, вроде бы, — он скрестил руки на груди, облокотившись на выступ. — Не хочу, чтобы ты грохнулась и расшибла голову о раковину. Или уснула в воде.

— Какая забота! — выплюнула я.

Придунок кривится, но не уходит.

— Давай раздевайся.

Я от слости сжала зубы до скрипа и прошипела.

— Я сказала, выйди, не собираюсь перед тобой раздеваться, ясно?!

— И чего я там не видел?

— Пошёл к чёрту!

— Туда и наведаюсь, но после, так что давай быстрее.

Я сдалась. Слезы от обиды, глупые, непрошенные, выступили на глазах. Я прошептала, почти не надеясь, что он услышит и вопримет:

— В кого ты превратился?

Увидела, как на секунду изменилось его лицо. Мелькнула какая-то тень. Сожаление? Ждала, что он скажет что-то вроде «*это ты меня таким сделала*». Но нет. Макар просто вздохнул, оттолкнулся от стены.

— Ладно, я сваливаю. И правда. Ты девушка несвободная. И если ты тут покалечишься, то и переживать не мне.

Вышел. Я вздохнула с облегчением, разрешила слезам безостановочно катиться по щекам, и закрыла дверь на замок.

Душ принёс некоторую ясность в координацию, но вот туман в голове не рассеялся полностью. Всё ещё была пьяна. Переделалась в найденную в шкафу Алинки ночнушку и длинный халат, распустила мокрые волосы по плечам и вышла в гостиную, молясь, что неприятный Макар уже видит третий сон.

Как бы не так.

Тот сидел на диване, печатал что-то в телефоне, доедал лапшу из картонной коробки. А в бокале у него явно плескалось содержимое одной из моих конфискованных бутылочек.

Решила поступить по-умному хоть раз — сдержаться и промолчать.

— Выпей чаю, полегче будет, — бросил он, не отрываясь от экрана мобильного.

И одновременно с ним я выпалила:

— Я не встречаюсь с Димой.

Что там я про ум свой мифический заливала? Забыли! Меня просто больно кололо и теперешнее мерзкое отношение Макара ко мне, и то, что он уже несколько раз за сегодня втянул Диму в наши дебилские диалоги.

Сомов резко поднял на меня глаза. Взгляд скользнул ниже, задержался на разрезе халата, на босых ногах. Он слотнул, передёрнул плечами и снова уткнулся в телефон.

— Дело ваше.

— Знаешь, почему я тебе это говорю?

— Потому что хочешь заняться сексом по старой дружбе? — его голос прозвучал противно и ядовито. — Тем более что прощального у нас не было, правда? Говорят, он незабываемый...

Я просто стояла и открывала-закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег.

Невозможно. Невозможно было так опуститься, стать таким законченным засранцем. Он теперь был хуже Савицкого. Потому что Артём по сравнению с ним казался ангелом.

Нашла в себе силы, несмотря на туман в голове, во-первых, проигнорировать фразу про секс, а во-вторых, говорить чётко и отрывисто:

— Как мы уже обсудили, мы с тобой не друзья. Мы друг другу никто. И знаешь, Сомов, для «никого» ты слишком много упоминаешь о Диме. Что это, ревность?

Он неприятно хмыкнул. Я продолжила:

— Так вот, чтобы бедный Дима не икал бесконечно от твоих упоминаний (видимо, это от большой любви к нему), я тебе говорю: мы не встречаемся. Уже достаточно давно. Так что завали, Макар. И подумай, как это выглядит со стороны: я о твоей даме, которую ты привел на похороны, ни слова не сказала, хотя все твои друзья и близкие её видели. А вот ты о Диме всё говоришь и говоришь. Странно, не находишь?

Он смотрел на меня исподлобья, глаза метали молнии. Меня уже было не остановить.

— Знаешь, я вот думала сейчас спросить, как у тебя дела вообще в Германии, как жизнь. Поговорить с тобой просто по-человечески, раз уж мы здесь. Но ты стал просто невыносимым. Я тебя не обижала, не забывай. Не предавала. И тогда в больницу меня вёз Серёга, за руку тоже он держал, от наркоза я с нимотходила. Понятно? И мне уже глубоко пофиг, где тогда был ты. Мы просто расстались и всё. Так бывает. Перестань на мне срываться.

— Ты несешь бредятину

— Да что ты! А ты, получается, просто так ведёшь себя как последний гондон? Так вот, я тебя поняла и слышала. По-человечески у нас не получится. Я иду собирать вещи Алине и потом спать. Будильник поставлю сама. И было бы прекрасно, если бы мы завтра с тобой оба молчали. В рехаб, так уж и быть, доедем вместе, Алинке будет приятно видеть, что мы, как адекватные взрослые люди, не сремся на каждом шагу, а вполне себе ничего так общаемся. Обратно я поеду на такси.

Развернулась, чтобы уйти. Но его голос, глухой, тихий и низкий, догнал меня:

— То есть отложенного прощального секса не предвидится?

Даже не обернулась. Он хотел вывести меня на эмоции, ждал, что я взорвусь, начну опять орать.

Хренушки.

Уже открывая дверь комнаты, нейтрально сказала:

— Спокойной ночи.

Он промолчал. Это было лучше любых слов. И значило, что в этом раунде перепалок победа была за мной.

Утром я чувствовала себя не лучшим образом. Голова гудела, во рту был противный вкус. Но ночью я успела выпить и таблетку от головы, и сорбент. Так что могло быть и хуже.

Хотя

Куда уж хуже после нашего вчерашнего «взаимодействия». Выкинуть это всё из головы. Не думать. Просто прекрасно, что он скоро свалит обратно в свою Германию!

Выхожу на кухню. Макар уже сидит за столом, пьёт кофе. От одного запаха этого напитка желудок противно сжимается. Мужчина затравленно на меня смотрит, откашливается, явно собираясь что-то сказать.

Я опережаю.

— Вот сумка с вещами Алины. Раз ты на машине — отвезешь. Я ночью написала Савицкому, что приеду сегодня к обеду на такси. Без тебя, естественно. Так что вперёд. Спасибо, что вчера забрал из аэропорта и помог добраться. Всего хорошего.

Вижу странную эмоцию на его лице — растерянность? Досаду? Но мне тяжело и даже неприятно на него смотреть.

Не хочу. Просто не хочу.

— Катя, по поводу вчерашнего вечера

Надо же, как мы «заговорили». Даже голос другой — без сарказма, без яда.

Выставляю ладонь вперёд, как щит.

— Не желаю это обсуждать.

Он растерянно замолкает.

Поворачиваюсь, чтобы уйти в комнату, но на полпути останавливаюсь. Он тоже встает из-за стола, смотрит на меня, вопросительно выгнув бровь. Ждёт, что я скажу что-то ещё.

Да. Мне есть что сказать. Точнее, повторить. Стоит это сделать на трезвую голову.

— Знаешь, Макар, стоит кое-что ещё раз повторить, — говорю я ровно, глядя прямо в его серые, теперь такие чужие глаза. — Первый раз я сказала тебе это тогда, в больнице. А сейчас будет финально.

Делаю небольшую паузу, вбирая в себя побольше воздуха.

— Как там было? «Спроси меня через год, пожалею ли я о моем решении разойтись Я скажу тебе „нет“. Потому что это — единственный выход. Для нас обоих».

Наблюдаю, как он замирает. Как в его глазах загорается вчерашняя неприязнь.

— Прошло больше года. Я финально резюмирую: нисколько не жалею. Это было самым правильным решением. Хорошей тебе жизни в Германии.

Макар молчит. Потом медленно идёт в прихожую. Надевает ботинки, куртку. Берёт сумку с вещами Алины. Всё делает молча, не глядя на меня. Потом открывает дверь и выходит. Не хлопает. Не говорит ни слова. Просто тихо сваливает.

Наконец-то! Вот у нас всё снова взаимно. Мы знать друг друга не хотим. Оба. И в этом должна быть какая-то доля успокоения. Но почему-то на душе пусто и холодно, как этом промозглом питерском апрельском утре за окном.

Глава 6

POV Катя

Вынырываю из воспоминаний, потому что мне прямо в лоб прилетает ластик. Бум! Точно в цель.

— Алё, гараж! Екатерина, прием! — Алинка машет рукой перед моим лицом с такой активностью, как будто я внезапно ослепла..

Потираю ушибленное место и возмущённо смотрю на неё.

— А фигней всякой кидаться так обязательно было?

— Да, обязательно! — она надувает щёки, становясь похожей на хомяка. — Потому что ты меня вообще не слушаешь! Уплыла куда-то в свои мысли, оставив меня тут наедине с экзистенциальными вопросами.

— Я слышала тебя прекрасно, — вздыхаю, откидываясь на спинку кресла. — Ты спросила у меня, как тебе заставить брата не продлевать контракт в Германии. Я слышала. Только вот не понимаю, зачем это обсуждать со мной.

Алинка замирает, и её лицо вытягивается. Она явно только сейчас осознала, кому именно жалуются на жизнь.

— Но это же не с целью того, чтобы... Чёрт, прости, — она виновато поджимает губы. — Я не подумала. Просто реально не знаю, как быть. Отец, наоборот, хочет, чтобы Макар там остался. Типа больше возможностей, Германия — это серьёзно. Но мне кажется, что у папы свои причины. Знаешь, когда мы к нему вечно лезем и контролируем, чтобы он хотя бы ночевал дома, а не на работе, папа реально бесится. А чем дальше хотя бы Макар, тем меньше проблем. Отец и мне сказал: *«Может, рассмотришь вариант переехать к брату? Вдвоём вам будет веселее»*.

Я скептически выгибаю бровь.

— Ты серьёзно? А то, что у тебя тут бизнес расширяется, его не смутило?

— Неа, представляешь? — Алинка взмахивает руками. — Я ж ему так и сказала: *«План, у меня тут компания, расширение в Сочи, планы, амбиции»*. А он просто отмахнулся: *«Разве это бизнес, дочь? Так, баловство»*.

— Ни фига себе заявление, — присвистываю я. — Не обиделась?

— Да что уж там! — она машет рукой. — Его уже не переубедить, даже пытаться не хочется. Знаешь, с учётом того, что он у нас один остался, я как-то сильно больше его ценить стала. Может быть, это звучит ужасно, но

— Это нормально, Алин, — мягко перебиваю я. — Ничего ужасного в этом нет.

Она кивает, на секунду замирает, глядя куда-то в сторону. В её глазах мелькает тень — боль, которую не залечить никакими словами. Но через полминуты она трясёт головой, сбрасывая наваждение, и продолжает уже бодрее:

— Так вот, о чём это я? А про Макара Ой. — Она спохватывается и снова смотрит на меня виновато. — Ладно, давай сменим тему.

Я закатываю глаза, но положила руку на сердце, мне приятно видеть Алинку такой. Не совсем еще прежней. Но живой. Заинтересованной. Скоро будет два месяца, как подруга вернулась из рехаба к повседневной жизни. Она ходит на специализированные встречи для «завязавших» (так она их называет), к психологу. Снова погружена в работу, в семью. Время идёт, и с огромной потерей приходится мириться и жить дальше. Выбора-то нет.

И да, она прям теперь официально-официально с Савицким. Это типа когда вообще все в курсе. Артём переехал к ней под видом того, что за Алинкой теперь нужен глаз да глаз. Её возмущению тогда не было предела, она до сих пор периодически его выгоняет, называя «прилипалой» и «приживалкой». Но мы все знаем, что это напускное. Если он реально когда-

нибудь начнёт собирать свои вещи, она его просто убьёт. Голыми руками задушит, а потом воскресит и задушит снова.

Вот так бывает. Сходятся люди, у которых, казалось бы, всё было максимально несерьёзно. Которые периодически ссорятся так, что кажется, оба загорятся от гнева, как сухие спички. Алинка как-то поделилась по секрету и с хитрой улыбкой: «*Секс после ссор особенно хорош, Кать. Просто бомбический*». Я тогда только хмыкнула. Кому-то подавай секс после ссор, а кому-то — прощальный после расставания...

— Брось, Алин, — говорю я, возвращаясь к диалогу. — Продолжай. Это для меня твой брат — мудака, явно не для тебя.

Она хмурится и закусывает губу. Вижу, что ей неловко.

— Всё ещё не верю, что он реально так себя с тобой вёл, — тихо говорит она. — Я же тогда, когда он приехал ко мне в центр, спросила, не пересекались ли вы. Он сказал, что да, ты из Сочи прилетела, а он тебя из аэропорта забирал, и вы даже мило и по-дружески поговорили.

«Пересекались». Ха-ха. «По-дружески». Трижды ха-ха. Я криво усмехаюсь, вспоминая тот вечер. Перебор с алкоголем, его ледяной взгляд, ядовитые комментарии... Да уж, «мило».

— Ой, вот *это* давай не будем обсуждать, — отмахиваюсь я. — Было и было. В прошлом.

— Я подумала, что странно это с тобой обсуждать, наверное, потому что ты явно не поклонник идеи возвращения Макара

— Пффф, — фыркаю я, чувствуя, как внутри всё равно что-то дёргается. — Мне что, с ним детей крестить? Тут вопрос твоего комфорта и желаний, Алин. А не моего к нему отношения. Давай продолжай. Так, отец хочет, чтобы твой брат в Германии остался. Что дальше?

— Ну ладно, — оживляется она, радуясь, что тема не закрыта. — Я даже с Серёгой это обсуждала. Но с ним вообще говорить бесполезно. «*Как Макару нравится, так пусть и живёт, не лезь, бу-бу-бу*». Типа он же приезжает, и к нему можно ездить. Типа в чём проблема. Но ты представляешь: иметь возможность доехать до него на машине или такси по Питеру или лететь с пересадкой в Берлин? Это же как сравнивать хрен с пальцем!

— Ну знаешь, — улыбаюсь я, — иногда такие пальцы бывают, что любой хрен позавидует.

— Екатерина! — Алинка округляет глаза. — Да вы пошлячка! Я вообще-то о серьёзном!

— А я о том, что аналогии у тебя странные, — пожимаю плечами.

— В общем, ещё Серёга предположил, что может, у него с этой Машей серьёзно, — она осторожно смотрит на меня и замолкает, будто ждёт взрыва.

Спокойно встречаю её взгляд.

— Алин, мне без разницы, честно. Ты как себе это представляешь? Он или я теперь целибат должны держать? Тем более у меня после него уже были отношения. И более длительные, между прочим.

И менее яркие, с минимальными чувствами с моей стороны, и тоже не самые успешные, добавляю я про себя. Но вслух этого не говорю.

— Ну, короче, может быть, эта девка ну, в смысле, девушка его там держит, не знаю, манипулирует — мнётся Алинка.

Поднимаю на неё глаза и смотрю с лёгким скепсисом.

— Алин, ты серьёзно думаешь, что Макар — тот человек, которого можно вот так удержать или которым можно манипулировать?

— Нет, но, Кать, — она подаётся вперёд, — я лично знаю девушку, ради которой он, например, изначально не принял предложение о работе и переезде. И она сидит сейчас прямо передо мной.

Я слегка вздрагиваю. Внутри что-то ёкает, но я быстро беру себя в руки.

— Это было иначе. И при других обстоятельствах.

— Да прям уж! — Алинка не сдаётся. — Нет, Кать, если Макар

— Так, всё! — я чувствую, как начинаю заводиться. — Мы с тобой не будем касаться каких-то там наших прошлых взаимоотношений. Точка. Тем более эту Машу ты знаешь очень шапочно. И понятия не имеешь, что там между ними и насколько серьёзно. По поводу твоего желания, чтобы Макар вернулся Это только его выбор. И всё, что ты можешь сделать, — поговорить с ним. Спросить, что он сам думает. Сказать, что ты бы хотела, чтобы он был рядом, но примешь любое решение. Вот так нужно, Алин. А не собирать коалицию потенциальных уговорщиков вернуться ему в Питер.

Подруга цокает языком и начинает отбивать ногтями дробь по столу. Недовольна.

— Ты прям как Артём говоришь

— Ну вот и послушай умных людей, — улыбаюсь я. — Они тебе дурного не посоветуют.

В этот же момент дверь в кабинет открывается и заглядывает Савицкий. Вспомнишь про ммм Артёма, вот и Артём, как говорится. Лёгок на помине.

У нас с ним теперь довольно интересные взаимоотношения. Мы вроде бы уважаем друг друга, объединяемся, когда Алинке нужно втереть что-то важное. Но всё ещё иногда делаем вид, что оба не в восторге от того, что нам приходится общаться. Алинка же говорит, что мы спелись.

Может быть.

— Екатерина Лагоцкая просиживает штаны и ни хрена не делает, — заявляет он с порога, облокачиваясь на косяк. — Как типично.

— Я в юбке, болезный, — показываю ему язык. — Так что мимо.

— Тогда беру свои слова обратно, — он театрально кланяется. — Екатерина Лагоцкая просто просиживает ЖОПУ.

Уже вхожу во вкус и открываю рот, чтобы выдать что-то убийственное в ответ, но Алинка нас прерывает.

— Боже, перестаньте оба! — она закатывает глаза. — Артём, чего тебе?

— И вечно этот недовольный тон, — он прикладывает руку к сердцу с притворной обидой. — А вот сегодня ночью ты иначе

Алинка резко краснеет и быстро шипит на него, как рассерженная кошка. Я же просто угораю. Молодец, Артёмка! Мой соратник в искусстве доводить людей до белого каления.

— Заткнись, иначе я тебя придушу! — шипит она.

Он усмехается, довольный произведённым эффектом.

— Ладно, не кипятись. Кать, там тебе опять цветы доставили на ресепшен. Очередная охапка.

— Чёрт, — вздыхаю я.

Алинка притворно вздыхает и говорит мечтательно:

— Вот бы мне такого поклонника.

Артём деланно возмущается, прижимая руку к груди:

— Но-но-но, такое говорить при живом-то сожителе, Сомова!

Потом подмигивает ей и чуть тише, мягче добавляет:

— Но я твои пожелания услышал.

Выходит из кабинета, а Алинка сидит розовощёкая и явно очень довольная. Я смотрю на неё и не могу сдержать улыбку. Ну прям пупсики! Кто бы мог подумать, что циничный и вечно недовольный Савицкий способен на такие нежности.

— Снова Дима? — выгибает она одну бровь, кивая в сторону двери.

— Сама же знаешь, что да.

— Что собираешься делать? Дашь ещё один шанс?

Откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок. Хороший вопрос. На который у меня пока нет ответа.

— Сама не знаю, честно Мы вроде бы так хорошо общаемся На расстоянии, понимаешь, Алин. И да, он говорит, что всё осознал. Извиняется за поспешность, за давление

— Но, — подхватывает подруга, зная, что сейчас будет.

— Но не кажется ли тебе странным, — я поворачиваюсь к ней, — что предложение сделали *мне*. Не приняла его я. Разошлись мы по *моей* инициативе. А извиняется и бежит за мной *он*?

Алинка пожимает плечами.

— Ну, видишь, Катя, какой ты лакомый кусочек. — Она ухмыляется. — Всё думаю, это ты в постели просто феноменальна или готовишь как богиня?

— А и то и другое сразу не может быть? — улыбаюсь я, входя в роль.

— Тогда ты идеал, — она разводит руками. — И понятно, почему Дима так к нему стремится. Идеалы просто так не отпускают.

Мдаааа. Только вот этот мнимый «идеал» творит какую-то дичь и не может разобраться в собственных чувствах уже который месяц. Колеблется, как маятник: быть с Димой или не быть.

Вот в чём вопрос, блин.

Глава 7

POV Катя

— Дим, мне это не нужно...

Делаю большой глоток кофе, пытаюсь заглушить этой горечью целый коктейль из раздражения, сомнений и внезапно накотившей тошноты. Не помогает. Только тошнит ещё больше. Да и кофеин на голодный желудок — так себе идея, а сегодня, видимо, особенно.

Дима смотрит на меня с таким выражением лица, будто я только что отказалась от бесплатного билета на Ноев ковчег в то время, как на землю обрушился всемирный потоп. Мужчина явно недоволен, а в глазах — неподдельное разочарование.

— От таких возможностей не отказываются, Катюш, — шепчет он, и в этом шёпоте слышится и мягкая мольба, и в то же время лёгкий укор.

Отстраненно наблюдаю, как его рука медленно, почти крадучись, ползёт по столу в мою сторону. Хочу назло ему убрать свою, спрятать под стол, может быть, даже мысленно отрубить эту конечность. Но я сижу как истукан и позволяю ему нежно погладить мою кожу. А потом он и вовсе вкладывает мою ладонь в свою, переплетая пальцы.

Меня накрывает волной приятного тепла, как бы я не противилась. Хотя где-то глубоко внутри шевелится червячок сомнения: этого недостаточно. И всё это как-то неправильно. Не зря же придумали выражение, что в одну реку дважды не войдёшь. А меня сейчас опять затягивает в целый омут, и я даже не сопротивляюсь как следует.

Прикрываю глаза, пытаюсь отгородиться от потока мыслей и этой дурацкой тошноты. Дима, видимо, истолковывает это по-своему. Он наклоняется ближе и начинает нашептывать, как чертов демон-искуситель:

— Кать, это не какая-то местечковая компания, которая работает в основном на питерскую аудиторию...

Мгновенно распахиваю глаза и перебиваю его, потому что это неправда:

— Глупости! Мы работаем удалённо с разными городами, плюс открываемся в Сочи, ты прекрасно знаешь

Он отмахивается от меня, как от назойливой мухи. Буквально вот прям рукой машет, будто мои аргументы яйца выеденного не стоят.

— Стоп, подожди, киса. Об этом мы ещё поговорим. Мне тут есть что сказать.

Киса. Внутренне морщусь. Никогда не была в восторге от этого обращения. Егор называл меня деткой, Макар — малышом. Но именно димино «киса» бесит крайне.

Дима следит за моей реакцией, хмурится, но быстро берёт себя в руки:

— Прости, с кисой я это зря... Кать, слушай. Всероссийская компания. Должность руководителя департамента обучения, развития и оценки персонала. Ты вообще представляешь масштабы?! Под тобой — направления, отделы, люди. Другая ответственность, другие запросы, другие деньги! Это не какой-то там консультант по обучению в тренинговом центре

Меня бросает в жар. «Какой-то там консультант». Я бы поспорила, вцепилась бы в эту фразу зубами, но мне вообще-то нечем особо крыть. Кроме того, что я прикипела к «Перспективе» всей душой. Кроме того, что не брошу Алинку, потому что до ужаса верная во всех отношениях. Хотя насчет этого еще можно подискутировать... А еще на своей работе я жду обещанного и уже почти согласованного роста.

Начинаю комкать салфетку в руках, превращая её в бесформенное что-то.

— Ты преуменьшаешь то, что у меня уже есть. Я почти полноправный партнёр. Плюс Сочи.

Дима цокает языком и закатывает глаза. Этот жест начинает меня бесить. Он прочищает горло, явно собираясь с духом, чтобы сказать что-то, что мне не понравится.

— Катюш, зато я не преуменьшаю твой потенциал и... вот сейчас только не обижайся, — продолжает он осторожно. — Но давай по фактам разложим. «Почти партнёр» — это не должность, которую запишут в трудовую, да и вообще переход из разряда «почти» ты с какого времени ждешь? Сейчас июнь. Прошло уже полгода с обещания, ведь так? Но ты сама знаешь пословицу: обещанного три года ждут? Ну что ж, почти четверть срока у тебя есть. Готова еще подождать?

Молчу. Мир вокруг слегка плывёт. К тошноте добавляется ещё и мигрень — пульсирующая боль где-то в правой части головы.

— Ты сама напоминала *этой* партнёрстве? — не останавливается Дима, как будто его основная цель — дожать.

«*Этой*». Это он об Алинке. Дима её, мягко говоря, не жалуется. И я до сих пор не понимаю почему. Когда его прошлая компания «Криптон» сотрудничала с нами, он был со всеми само очарование — улыбался, шутил, поддерживал любые разговоры. Как только контракт закончился, оказалось, что Алина вызывает у него исключительно раздражение. Он мне как-то признался: «*Ну не нравится она мне как человек, Кать. Как будто пустая*». Но никогда об этом не упоминал и особо своего отношения не выказывал, чтобы меня не обидеть.

— Нет, — отвечаю я тихо. — Но ты же знаешь, у Алины такая потеря

О рехабе, естественно, молчу. Этого Диме знать не нужно. Вообще никому не нужно.

— Кать, работа есть работа. И данные обещания нужно выполнять.

Он вздыхает, понимая, что нужной реакции пока от меня не дождётся. Я уже слишком напряжена.

— Хорошо, проехали с должностью. Хотя, черт, прости, но я тебе ещё дровишек подкину, просто не могу смолчать, — он подаётся вперёд, понижая голос. — Вот ты говоришь про Сочи. Ну классный проект, да. Флаг в руки и барабан на шею, как говорится. Только вот он не твой, Кать. Он Савицкого. Это Артём получил себе целое ответвление бизнеса. А знаешь за что?

— Дим — в моём голосе звучит предупреждение. Прекрасно понимаю, куда он клонит. Сейчас будет что-то ниже пояса. Буквально...

— Потому что лижет хорошо и ебёт крепко, — выплёвывает он с таким пренебрежением, что я даже вздрагиваю.

Внутри всё закипает. Защитная реакция включается мгновенно.

— Как интересно. — мой голос сочится сарказмом. — Но ведь ты мне на должность руководителя департамента предлагаешь тоже пройти без собеседования и конкурса. Мне нужно сделать подобные выводы?

Дима даже бровью не ведёт, смотрит на меня с полным спокойствием. Его вообще ничего не коробит.

— Потому что я знаю, *как* ты работаешь. Имел честь, как говорится. Мне не нужно подтверждение твоих навыков. И это на первом месте. И да, — он смотрит очень пронзительно мне прямо в глаза, — я тебя по-прежнему люблю. Но это отдельная история. Не связанная с тем, что я тебе предлагаю по работе.

Гладко стелет, черт. Очень гладко. Вот мы наконец-то и перешли к теме, которую я избегала весь этот час. Потому что до сих пор не приняла решение: давать нашей паре ещё один шанс или окончательно похоронить эту идею.

— Ладно, Кать. Давай поставим тему с работой на холд, — говорит он, чувствуя моё сопротивление. — Я надеюсь, мне удалось вложить в твою красивую и умную голову некоторые темы для размышлений. И я уже говорил: можно работать удалённо. А вдруг потом решишь переехать в Москву

Да, должность московская. Но Дима обещает обеспечить мне полную удалёнку с периодическими командировками. Его заветная мечта — вернуться в столицу. Как я понимаю, со мной. Питер ему не зашёл.

— Обещай, что подумаешь, — просит он.

Просто киваю. Сил спорить или что-то доказывать больше нет. Головой понимаю: то, что он предлагает — это просто космос для любого в моей профессии. Но душой и сердцем чувствую, что не могу кинуть Алинку. Подруга бы никогда меня не предала. И я так не поступлю с ней.

На телефон приходит сообщение.

Лена: *«Мы уже готовы, выходим, ждём тебя!».*

Я обещала посидеть с Ванюшкой, пока она поедет с Ангелиной к врачу.

— Мне пора, — говорю я, начиная собираться.

— Кать, когда мы поговорим о нас? — Дима встаёт за мной, не отпуская моей руки. — Что с нами?

И сразу второй вопрос, как контрольный выстрел:

— Скажи честно: если бы ты не думала о том, что можно еще раз попробовать, ты бы здесь сейчас не сидела. Верно?

Верно. Он достаточно меня знает, чтобы это понимать. Поэтому просто киваю, закусывая губу. Чувствую быть мне сегодня китайским болванчиком: только и делаю что киваю и головой мотаю.

Он облегчённо выдыхает, и на его лице появляется улыбка. Такая искренняя, почти счастливая. Берёт меня за обе руки.

— Кать

Я перебиваю:

— Дим, Лена ждёт. Давай завтра встретимся и договорим, хорошо?

— Прямо десять секунд, — он потирает своими тёплыми ладонями мои подрагивающие пальцы. — Я понял, что был идиотом. Куда-то спешил, давил. С тобой так нельзя. Теперь ты будешь рулить всем. Всё будет так и когда ты захочешь. Когда будешь готова. Я обещаю, что ни словом, ни действием больше тебя ни к чему подтолкну. Пока ты сама не дашь мне намек на зеленый свет в плане будущего. Просто дай нам шанс. Я уверен, что у нас всё получится.

«Ты будешь рулить всем». Слова врезаются прямо в череп, как раскалённые гвозди. Я такое уже слышала. От совсем другого человека. И, кажется, в другой жизни. А чем это кончилось — всем известно.

Сжимаю руки Димы в ответ и повторяю, как попугай:

— Давай поговорим завтра об этом, хорошо? Мне нужно будет с утра в клинику. Напишу, когда освобожусь.

В его глазах мгновенно вспыхивает беспокойство:

— В клинику? Что-то серьёзное? Я отвезу!

— Просто чек-ап, Дим, — я слабо улыбаюсь. — Больше чтобы маме угодить. Переживать не о чем. Подвозить не нужно.

Он неохотно кивает, расплывается, и мы выходим. Кофейня находится прямо в моём доме, так что до корпуса, где живут Лена с Серёжей, идти буквально два шага.

На прощание Дима меня обнимает. И я сама к нему прижимаюсь. Потому что мне отчаянно не хватает этого простого человеческого тепла. Объятий. Поцелуев. Присутствия человека, которому ты небезразлична. Когда он прижимает меня к себе, я чувствую, как напряжение спадает, стекает с плеч куда-то вниз. Кажется, мне это было жизненно необходимо.

Хочу, чтобы меня снова просто любили. А я... я подтянусь. Наверное...

Дима правильно считывает сигналы, он в этом плане очень эмпатичен. К объятию добавляется короткий, но крепкий поцелуй прямо в губы. Я уже так разомлела, что не отталкиваю его. Ничего не говорю. Даже слабо улыбаюсь.

Он заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо и снова твердо повторяет свою мантру, прожигая меня взглядом:

— Люблю тебя, Кать. Слышишь? Завтра всё обсудим.

Не дожидаясь ответа или реакции, целует в лоб и уходит к своей машине. Смотрю ему вслед и чувствую странную опустошённость.

Не то чтобы я запуталась. Сама моя реакция на его тепло и чувства уже всё за меня решила. Я хочу просто быть любимой. Хочу быть хотя бы относительно счастливой. Без драм, без выяснений, без этой бесконечной гонки за призрачным идеалом. Нельзя вечно бежать, сомневаться и пугаться совместного будущего.

И если это будет Дима, с которым я войду в одну реку дважды что ж, значит, так тому и быть.

Глава 8

POV Макар

Сквозь сон слышу вибрацию телефона. Непрекращающуюся, настойчивую и бесящую. Уже собираюсь растолкать Мару — пусть отключает свой чёртов телефон, мы вообще-то спим, бляха-муха! — но сквозь пелену дремоты доходит: звук идёт с моей стороны кровати.

Тянусь к тумбочке, щурясь от яркого солнца, которое уже всю заливаает спальню. Восемь утра, мать его. Опять Алинка названивает по видеосвязи. В восемь утра по местному! В Питере уже десять, она бодря и весела, а у нас тут вообще-то выходной, и я планировал спать до обеда. Я уже хрен знает сколько раз говорил Альке: учитывай разницу во времени, имей совесть! Но когда её это волновало?

Сбрасываю. Кладу телефон экраном вниз и переворачиваюсь на другой бок. Упираюсь взглядом в затылок Мару. Русые волосы разметались по подушке, плечо мерно вздымается во сне. Я ей как-то сказал, что не особый поклонник обнимашек и закидываний конечностей друг на друга во сне. Типа жарко, душно, руки затекают. И она сразу поняла. Мару вообще очень послушная девочка. Усвоила просьбу с первого раза и больше не лезла. Лежит себе тихонько на своей половине кровати, занимает ровно столько места, сколько нужно.

А я, получается, брехло. Потому что то, что я ей сказал про тактильность вне секса — это не совсем правда. Точнее, правда, но не полная. Потому что, видимо, всё зависит от девушки. С одной — душно и жарко. С другой — хочется прижать и не отпускать, даже если рука грозит отвалиться от потери чувствительности. Но эту мысль я даже развивать не хочу в своей голове.

Вздыхаю, переворачиваюсь на спину, смотрю в белый потолок. Мысль о том, что я — урод конченный проносится в бошке. Сестра два месяца назад из рехаба вышла. Два месяца всего прошло! А я от неё звонки сбрасываю. Хотя на самом деле я знаю, что темой разговора обязательно станет мой контракт. Продлевать или нет. Возвращаться или нет.

Сажусь на кровати, накидываю шорты и иду на балкон. Сажусь в плетёное кресло, затягиваюсь электронкой и перезваниваю. Не по видео. Так легче. Не надо хотя бы выражение лица контролировать.

Алинка отвечает мгновенно, будто только моего звонка и ждала.

— Ты чего сбрасываешь? — набрасывается она сразу, без «привет, как дела».

— Ну, мог бы тебе ответить, пока стряхивал, Алин, — лениво тяну я, выпуская дым в утреннее небо. — Норм было бы?

— Фу, Макар... — в её голосе недовольство. Представила, видимо.

— То-то и оно.

— А чего не по видео звонишь? — ещё один упрек.

— Бля, Алин, сегодня утро претензий или что? — начинаю раздражаться. — Давай ближе к делу.

— Просто хотела пообщаться, — она растягивает слова, и в голосе звучат эти её коронные обидки.

Чёрт. Я в последнее время действительно дерганый. Понятно, что особо хороших событий со мной давно не происходило. Мама... в целом дальше можно и не продолжать. Но еще была странная встреча с Катей в апреле, после которой я ходил как будто выпотрошенный неделю. Сестра, оказавшаяся в рехабе. Короче, че перечислять... Но козлом всё-таки быть не хочется. Особенно по отношению к родной сестре, которая, по сути, одна из немногих, кто у меня остался. Понятно, что она тоскует. От отца сейчас тоже мало толку. Он сам там еле держится, молчит больше, чем говорит, и, кажется, вообще разучился какие-то эмоции проявлять. Одна надежда на Савицкого, что он будет закрывать эти душевные дыры и раны Алинки. Хотя

мысль «Савицкий и моя сестра» в одном предложении заставляет меня морщиться до сих пор. Но, если у них всеработает, совет да любовь, как говорится.

— Как там отец? — вынырываю из размышлений, пытаюсь наладить диалог.

— Вроде бы нормально, — в голосе Алинки появляется что-то похожее на активность. — Нашли ему всё-таки женщину-домработницу. Иначе он сляжет с гастритом или его сожрёт огромный комок пыли в доме.

Я весело хмыкаю. Да, такое с отцом возможно. Особенно про пыль. Он из тех людей, которые никогда тряпки в руках не держали.

— И как она?

— Женщина, которая убирается и готовит? — уточняет Алинка с лёгкой иронией.

— Угу, — рассматриваю заусенцы на пальце, пытаюсь придать голосу максимальную беззаботность.

— Да нормальная, в целом. Зовут Маргарита Павловна, приятная такая, готовит хорошо. Борщ сварила — отец две тарелки съел и добавки просил.

— И он прям согласился на помощь? — удивляюсь я искренне. Отец — человек старой закалки, помощи в хозяйстве от чужих, к тому же за деньги, не переваривал.

— Да он оборался сначала, — усмехается Алинка. — Но как только два дня пожрал нормальную еду и поспал наконец-то в чистой постели, ворчать перестал.

— Ммм... — слабо отзываюсь я.

— Ты когда приедешь? — вопрос повисает в воздухе.

Блин. Ну здравствуй, любимая тема наших разговоров, я не скучал. Последний раз мы с сестрой виделись, когда я прилетал навестить Алинку в рехабе, разобраться, что к чему, и дожидаться ее выписки. Ну еще и вправить ей мозги тоже.. Тогда всё было на эмоциях, я был злой на весь мир. Больше с тех пор не приезжал. Физически просто не мог. Работа, контракт, обязательства. Алинке тоже было не до того — надо было в фирму возвращаться, дела разгребать, которые без неё накопились. Но последний месяц она почти при каждом разговоре делает мне мозг этим вопросом.

— Алин...

— Что «Алин»? — повышает голос сестричка. — Ты просто офигел, Макар. Вот честно. С отцом увидеться не хочешь, со мной тоже... Крестника не видишь, про друзей забыл. При твоих возможностях ты можешь хоть каждый день сюда летать!

— Прилетай сама, — перебиваю я, чувствуя, как внутри закипает злость. — В чём проблема? Тебе лишь бы понять, Алин. Невозможно стало разговаривать.

— Да что ты?! — она уже не говорит, она кричит. — Ты знаешь, что теперь куча дел в Сочи! Мы с Артёмом тебя звали к морю приехать хоть на немного. Все бы встретились здесь. И Серёга с Леной и детьми бы приехали, и отец. Все готовы на это, лишь бы увидеться! И не смей даже говорить о том, что с тем же успехом этой же компанией мы могли бы прилететь в Берлин! Просто не смей! Это, блин, не то же самое. Лететь в Сочи напрямую и в Берлин с кучей пересадок и документов!

Бам. Меня прорывает.

— И что это будет за собрание, Алин? — мой голос сочится ядом. — Уговоры завершить контракт и вернуться в Питер? Так ведь? Собираешь там себе группу поддержки. Ну ты ещё подтяни кого-нибудь, вдруг на большее количество аргументов я клюну. Может, Катю ещё позовёшь? Хотя нет, она тебе не помощник, может только с удовольствием рассказать, какой я мудака.

— Господи, какая же я была глухая и слепая... — Алинка вдруг затихает, и в её голосе появляется какое-то напрягающее спокойствие. — Катя права, ты стал невыносимым. Просто говном каким-то. Никогда таким не был, и вот. Уж не знаю, может быть, на тебя так твоя

девушка — она делает акцент на последнем слове, будто выплёвывает его, — так влияет, что ради неё ты хочешь там остаться и нос воротить от всех. Но пошёл ты, Макар, в задницу тогда!

Меня прошибает. Приплела Катю и её никому не упавшее мнение. Приплела Мару, которая вообще ни к чему отношения не имеет. Типичная сестра, вообще берегов не видит. И, судя по всему, они там с Катей обсуждают меня благополучно, и подруженька бывшая выставляет меня не в лучшем свете. Как же это типично: обосрать бывшего, при том что сама далеко не ангелок.

Хотя если включить мозг и вспомнить нашу с Катей апрельскую встречу... Там, конечно, есть, за что на меня бочку катить. И я сам это знаю. Но всё равно негодование закипает с новой силой.

— Во-первых, — чеканю я каждое слово, — Кате стоит прикрыть свой ротик. Можешь так ей и передать. А во-вторых, причём здесь моя девушка? Она не имеет никакого отношения к моему пребыванию в Германии, потому что она, блять, в отличие от вас, адекватная! Не лезет, не давит, не устраивает истерики!

— Ну так ты даже не знакомишь нас со своей девушкой! — парирует Алинка. — Если я звоню тебе по видеосвязи, ты уходишь в другую комнату. Отец вообще про неё не слышал. Что мне ещё думать?

— Тебе вообще надо думать, понятно? — я уже не контролирую тон. — Я остаюсь, ясно? Это моё решение! Это большие перспективы! Отец меня поддерживает! И, кстати, Мару к моему решению не причастна. Она не давит и уважает моё мнение. В отличие от тебя, Алька. Потому что ты эгоистка. Была и остаёшься.

Слова уже летят, и их не остановить. Но где-то на задворках сознания мелькает мысль, что надо бы попридержать коней. Вздыхаю, пытаюсь сбавить обороты.

— Я приеду к вам. Как только разберусь с продлением контракта, возьму билет и прилечу на пару недель. Обещаю.

— Делай что хочешь, Макар! — в её голосе звенит обида и злость. — Можешь хоть вообще перестать общаться со своей сестрой-эгоисткой. Пока!

Бросает трубку. Ожидаемо. Я смотрю на потухший экран и чувствую, как где-то в груди побаливает. Ноет. Потому что я знаю: веду себя с ней не лучшим образом. Но Алинку надо быстро обрубить, иначе она раскинет свои сети и потом не выпутаешься. А возвращаться я не собираюсь. Просто не хочу! И дело не в карьерах или перспективах. И уж точно не в Мару, с которой мы всего ничего в каких-то внятных отношениях, а не просто в режиме «секс по соседству».

— Ты так орал, что, кажется, разбудил весь комплекс, — раздаётся тихий голос за спиной.

Мару выходит на балкон, целует меня в плечо и прижимается сзади к спине, обнимая за талию. Тёплая, сонная, пахнет моим гелем для душа.

— Не самый приятный диалог с сестрой вышел, — сухо отвечаю я, опуская свои ладони на замок её рук у меня на животе. Приятно.

— Макар, может, тебе стоит... — осторожно начинает она.

— Нет, — отрезаю резче, чем следовало бы. Чувствую, как она замирает. Продолжаю уже мягче, потому что Мару ведь не при чём, не стоит на ней срывать остатки злости. — Нет, Маш. Давай не будем об этом говорить. Я просто не хочу.

Снова получаю поцелуй в плечо, потом в лопатку. Девушка умеет быть деликатной. Не лезет, не допрашивает.

— Позавтракаем где-нибудь? — щебечет она, заглядывая мне в лицо. — Хочу вкусный кофе. И круассан. Самый большой, какой найду.

Просто киваю и, разворачиваясь, щёлкаю её по носу. Она морщится и смеётся, и от этого смеха внутри разливается что-то тёплое.

Мару классная. Без загонов, без истерик, без этих бесконечных «что ты чувствуешь» и «куда мы идём». Она просто адекватна. Вот если бы все женщины были такими, тогда и проблем бы не было, честное слово.

Симпатичная девочка, миловидная. Не сногшибательная красотка, но приятная глазу. Не дура — с головой у неё полный порядок, сама себя обеспечивает, не делает мозг. И это, пожалуй, самое главное, что меня в ней привлекает. Мне этого достаточно. Более чем.

Имелись, конечно, некоторые сомнения, когда она сама, месяц назад, осторожно предложила перевести наши отношения из простой и понятной горизонтальной плоскости в нечто более серьёзное. Ведь фейерверка я с ней не чувствовал. У меня не болело за грудиной от одной мысли о ней, не прошибало молнией, я не сходил с ума, не терял голову. Просто было комфортно. Спокойно.

После неудачного брака с Кариной и отношений с Катей, которые закончились полным крахом, я вдруг понял, что бешеные чувства мне и не нужны. Это всё равно раздробится, разобьётся и исчезнет со временем, оставив после себя только битое стекло и кровоточащие порезы. А спокойствие — оно вечное.

Поэтому за этот месяц я ни разу не пожалел, что теперь официально встречаюсь с Мару. Всё просто хорошо настолько, насколько это вообще в моей ситуации возможно.

Но вот это упоминание Кати от Алинки... Оно вызвало гадкое чувство. Острое, неприятное, как заноза, которую никак не вытащить. Да, я не был святым в апреле. Наговорил лишнего, вёл себя как последний мудака. Но и Катя хороша! Так что если она там в диалогах с моей сестрой обвиняет меня во всех смертных грехах, то пусть про своё поведение и отношение не забывает упомянуть. Потому что в своём глазу бревна не замечаешь, как говорится.

Фу, какого черта я теперь разговариваю пословицами? Это что надвигается кризис среднего возраста? Скоро буду вставать в пять утра, чтобы кататься на трамвае или фотографировать все красивые закаты? Усмехаюсь про себя и стараюсь задвинуть подальше мысли о ссоре с сестрой и о том, какими отзывами меня кроет бывшая.

— Идём, — говорю я, обнимая Мару за плечи и уводя из квартиры. — Искать самый большой круассан в Берлине.

Она довольно щурится и чмокает меня в щёку. И я даже почти забываю, что внутри всё ещё свербит. Почти.

Глава 9

POV Катя

Не люблю воскресенья. Наверное, даже больше, чем понедельники. Не знаю, может, только у меня так, но именно в этот день я чувствую приближение рабочих будней особенно остро. Смотришь на часы, и в голове не просто «три часа дня», а что-то типа «четырнадцать часов до понедельника». Хм, может, я просто слегка чокнутая, конечно.

А сегодня ещё и просто дома с чем-то типа просмотра Бриджертонов не поваляешься: сначала чек-ап у гинеколога, потом маме нужно отзвониться с отчётом, что всё в норме. Ну, по крайней мере, я надеюсь, что всё в норме. Потом Дима... Хотя мне же не отказывать ему придётся, а наоборот — возвращаться в отношения. Так что, вроде бы, должна чувствовать себя суперски. Тогда почему я испытываю этот дурацкий мандраж?

На задворках сознания мелькает мысль: наверное, маме стоит отзвониться уже после встречи с Димой. Чтобы она сразу все хорошие новости узнала в одном флаконе. Она там стопудово отца потащит куда-нибудь ужинать на радостях. Естественно, дочка снова при деле, жизнь налаживается, всё как надо.

Но нелюбимый день недели со всей внезапностью начинает скрашивать Алинка. Уже подъезде к клинике мне приходит сообщение: фотка красивого бенто-торта, на котором кремом выведено «Катя-партнёр».

Алина Сомова: *Прости-прости, это должен был быть сюрприз на завтра, но я не удержалась, я слишком рада, что все формальности улажены!!!*

У меня сердце подкакивает к горлу и делает там же кульбит. Я — полноценный партнёр. Пока неофициально, надо, конечно, ещё документы подписать, но с этим мы разберёмся завтра.

Выкуси, Димочка!

Так, стоп. Наверное, не стоит так категорично, хоть и мысленно, обращаться к человеку, с которым через пару часов планирую снова вступить в отношения. Но пофиг! Я просто счастлива. Надеюсь, мама на радостях от таких изменений в личной и рабочей жизни не рванёт в Питер, чтобы отпраздновать вживую. Потому что она может.

Алинке отвечаю коротко, потому что не знаю, как выразить весь этот фонтан эмоций:

Я: *Боже...*

Алина Сомова мгновенно отвечает:

Алина Сомова: *Это «боже, почему у тебя в жопе ничего не держится?» или «боже, как я рада, что у тебя ничего в жопе не держится?»*

Ржу в голосину, не стесняясь таксиста. Мужик косится в зеркало заднего вида, но молчит.

Я: *второе)))*

Через пару минут я уже в клинике. Стою на ресепшене, жду, пока мне дадут какие-то бумажки заполнить. Телефон снова вибрирует — Алинка звонит по видеосвязи. Отклоняю.

Пишу в чат:

Я: *Алин, я пока в клинике, потом встречаюсь с Димой, созвонимся ближе к вечеру?*

Алина Сомова: *Чёрт, я и забыла про врача. Отпишешься потом, что всё в порядке?*

Я: *ага)*

— Екатерина? — улыбчивая женщина на ресепе протягивает мне карту. — Вам в двести четырнадцатый кабинет, к доктору Морозовой.

— Спасибо.

Беру документы и топаю по коридору. Морозова Маргарита Павловна — офигенный гинеколог, реально профессионал. Мне её посоветовал Михаил Артемьевич, тот самый дядя Серёжи, главврач клиники, где я оказалась в феврале прошлого года по не самым приятным

обстоятельствам. С тех пор я у этой женщины и наблюдаюсь. Искренне надеюсь, что она не будет меня отчитывать за то, что я припозднилась с чек-апом на месяц. Хотя Маргарита Павловна вообще не из тех, кто будет что-то высказывать. Она просто делает свою работу, чётко, профессионально, без лишних эмоций.

— Как в целом самочувствие, Катя? — спрашивает, когда я уже несколько минут сижу в кабинете и общаюсь с доктором.

— Да по ощущениям нормально...

— Ничего не беспокоит? Как цикл?

— Честно говоря, сбоят, — мнусь я. — Что-то было месяца полтора назад, но... — не знаю, как подобрать слова.

— Но не как обычно, не так, как вы привыкли, — заканчивает она за меня.

— Ага, — киваю я, не зная, что добавить.

Боюсь, что сейчас она начнёт хмуриться и говорить, что такое отношение к собственному здоровью — отстой. Ну ладно, не прям так, но что-то в этом ключе.. Но Маргарита Павловна даже бровью не ведёт.

— Половую жизнь сейчас ведёте?

— Нет, — отрицательно мотаю головой.

Она что-то отмечает у себя в планшете и отправляет меня раздеваться и располагаться на кресле.

Интересно, хоть кто-нибудь чувствует себя комфортно в этом чёртовом гинекологическом кресле? Максимально раздражающее действие, я вам скажу. Лежишь как дура с задранными ногами, ещё и манипуляции с тобой не самые приятные проводят. Интересно, мужики такой же дискомфорт испытывают на осмотре у уролога? Или там всё как-то прозаичнее?

— Давайте сначала УЗИ сделаем, Катя, а потом я осмотр проведу, — говорит Маргарита Павловна.

— Хорошо.

Она разворачивает к себе экран монитора. Размещает датчик и проводит необходимые манипуляции. И буквально через пару секунд начинает хмуриться. Потом как-то странно на меня смотрит. Пока ничего не говорит, но мне уже страшно спросить, что не так. От выражения её лица меня прошибает холодный, липкий пот. В голове проносятся варианты: киста, опухоль, полипы, бесплодие, всё плохо-плохо-плохо...

— Интересно... — тянет она.

Так. «Интересно» — это же не «ужас», не «капец» и не «кошмар», правда? Вот если бы она употребила такие слова, тогда точно стоило бы паниковать.

Она берёт другой датчик — тот, которым обычно смотрят брюшную полость, регулирует кресло и просит меня опустить ноги. Затем выдавливает мне на живот холодный гель. Я вздрагиваю.

Боже, это что какая-нибудь огромная разросшаяся опухоль, которая уже проросла куда-нибудь в кишечник?!

Маргарита Павловна внимательно водит датчиком, всматривается в экран, что-то там измеряет, щёлкает, записывает. Потом удовлетворённо хмыкает и поворачивает монитор ко мне.

Я смотрю на неё, ничего не понимая.

— Кать, — говорит она, и на её лице появляется улыбка. — Вот вы говорите, цикл скачет и что половую жизнь не ведёте. А сами беременны.

Бам! Бух! Ба-бах!

Это мой мозг взрывается прямо сейчас, разлетаясь на миллион мелких осколков. Как я, черт возьми, могу быть беременна?! Я уже решила, что это опухоль! Ой, то есть я вообще, когда сюда шла, думала, что у меня всё нормально, просто проверка! А тут...

Видимо, врач видит моё выражение лица и понимает, что я немного, простите, в ахуе.

— Срок у вас, кстати, приличенький, скоро первый триместр завершится, — продолжает она. — Десятая неделя пошла.

Почти десять недель. Почти три месяца. Ого! В прошлый раз всё остановилось гораздо раньше.

— Не чувствовали ничего? — спрашивает она. — Тошноту, усталость, какой-нибудь дискомфорт?

Мотаю головой, потом прочищаю горло:

— Честно говоря, усталость часто бывает, но работы много, это перманентное состояние. Но особо не тошнило. В прошлый раз я прям чувствовала токсикоз...

— Это нормально, — кивает она. — Не всем и не при каждой беременности плохо в первом триместре. В вашем случае действительно можно было вообще ничего не заметить, тем более у вас цикл до этого скакал. Так что странные месячные и их отсутствие какое-то время ведь вас не смущали, да?

— Но я не понимаю, — голос срывается на фальцет. — Как я могу быть беременна?

Маргарита Павловна смотрит на меня сквозь очки с лёгким недоумением.

— Э-э-э... В каком смысле? Мне сейчас прочитать лекцию о том, что от секса появляются дети?

— Но я не веду половую жизнь! — выпаливаю я, чувствуя, как щёки заливаются краской.

— И примерно в апреле тоже ничего не было? — она приподнимает бровь. — Например, незащищённого полового акта?

Чёрт. Блин-блин-блин. Это просто треш.

— Б-б-было, — заикаюсь я. — Но всего один раз. И я была на таблетках! Я же курсом пропила тогда по вашим рекомендациям.

— Ну, — она пожимает плечами, — разные факторы могли повлиять. Не выпили таблетку вовремя, перерыв был, алкоголь, сильный стресс. Это всё снижает эффективность.

Алкоголь и сильный стресс. Два из четырёх. Бинго!

— В любом случае, — голос врача звучит твёрдо и уверенно, — срок уже приличный, плод развивается согласно нормам. Давайте я вам расскажу и покажу всё подробно. И сердцебиение, кстати, можем послушать.

Через почти полчаса выхожу из клиники на абсолютном автомате. Ноги сами несут куда-то, мозг работает в режиме «перезагрузка». Пошла просто провериться, а вышла с постановкой на учёт по беременности.

Механически прижимаю ладонь к плоскому животу. Там, внутри, прямо сейчас кто-то есть. Кто-то с бьющимся сердцем, которое я только что слышала. Это провал. По всем фронтам. Мне нужно срочно всё проанализировать, разложить по полочкам, иначе я просто улечу в космос от этого информационного цунами.

Прохожу мимо Никольских рядов и, не задумываясь, сворачиваю туда. В летнее воскресенье здесь яблоку негде упасть, но я нахожу свободный плетёный лежак с куполом от солнца. Располагаюсь, пристраивая рядом купленный по пути фреш, и пытаюсь усмирить мыслительный ураган. Тут важна чёткость и структурность.

Итак, *пункт первый*. Я беременна. Капец ли это? Да, конечно, ещё какой. Но это факт, и менять я ничего не буду. Значит, разберёмся.

Пункт второй. Благо я вовремя купила квартиру. Как раз в первые месяцы после рождения ребёнка уже можно будет переехать. Гоню от себя мысль, что в этой квартире я буду одна. Екатерина мать-одиночка Лагоцкая. Мда-а-а-а...

Пункт третий. Придётся сказать родителям. Я не то, чтобы переживаю об их реакции, всё-таки девочка взрослая. Но без их помощи мне не обойтись. И речь не о деньгах, а вообще — морально, физически. Одна я не вытяну, это факт. Наверное, надо съездить в Самару на

пару дней. Достаю телефон и покупаю билет на самолет. Беру не думая. Лечу завтра поздним вечером. Успею собраться, Алинка поймёт.

Пункт четвертый. Дима. Планы резко меняются. Сегодня я собиралась с ним встретиться и согласиться на отношения. Теперь придётся сказать, что ничего не выйдет. Возможно, назвать причину. Не хочу врать. Думается мне, что он и в таком положении меня примет, скажет, что ребёнок не помеха. Но таких жертв я не хочу. Это только моя ответственность, и я не собираюсь вешать ему на плечи такой груз.

Пункт пятый. Я боюсь. По-настоящему, до дрожи в коленях. Боюсь, что всё повторится. Что я опять переживу потерю, боль и пустоту внутри. Маргарита Павловна со мной уже об этом поговорила. Сказала, что нельзя заикливаться, что всё будет хорошо. Что сейчас все показатели в норме. Но тогда, в прошлый раз, мне тоже говорили, что всё в порядке. А в итоге? Короче, врач прописала мне лёгкое успокоительное на травах. Говорит, такое можно. Надо побольше отвлекаться. Первый скрининг у меня через две с половиной недели. Плюс завтра рано утром перед работой надо сдать кровь.

Пункт шестой. Непонятно, что теперь с партнёрством, потому что я, видимо, уйду в декрет. Надо будет разобраться с Алинкой. И, естественно, исключить некоторые детали из объяснений. Типа того, от кого именно я беременна.

Пункт седьмой, самый сложный. Как раз о том, от кого я беременна. Потому что у меня то сомнений в том, кто отец этого ребёнка, нет. Но его мое положение никак не касается. Было и было. Мы оба сглупили, и это был просто секс. Огромная ошибка, которую оба поняли почти сразу. Да, весь этот вопрос с отцовством надо будет чуть лучше продумать. Но я от своего не отступлюсь. Он не должен узнать. Желательно никогда. И если мне придется бросить все в Питере и вернуться в Самару, то так тому и быть.

Мда уж. Наверное, вообще на всю эту ситуацию я реагирую гораздо спокойнее, чем ожидала от себя. Но ведь я всё это уже проходила. Плюс, кроме меня, тут никто не виноват. От секса бывают дети, я это прекрасно знала. Любой вид предохранения может дать сбой, и это тоже не новость.

В голове после всех размышлений остаются две мысли. Не особо весёлые, но интересные.

Первая: не все моменты нашей апрельской встречи с братом Алинки я раскрыла. Есть кое-что, о чём я предпочла умолчать и прятать, кажется, даже от самой себя.

Вторая: Макар удивительно... м-м-м... меток. Уже второй раз заделывает мне ребенка.

Откидываюсь на лежанке, прикрывая глаза ладонью от солнца. В животе предательски ёкает. Это просто нервы.

Жизнь, мать твою, снова подкинула сюрприз. Точнее, киндер-сюрприз. И как теперь все это здраво разгрести — совершенно непонятно.

Глава 10

POV Макар
Ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.